

ВЕРА КУШНИР

У

Его ноі

Вера Кушнир
У ЕГО НОГ

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

ВЕРА КУШНИР

У
ЭТО
НОЧ

СТИХИ

УДК 37-373.1
ББК 75.10
К 3

Кушнир Вера

К 3 У Его ног. Стихи. – К.: Свет на Востоке, 2008 – 144 с.

Поэтические произведения известной христианской писательницы и поэтессы Веры Кушнир.

Кушнір Віра

К 3 Биля Його ног. – К.: Світло на Сході, 2008 – 144 с.

Поетичні твори відомої християнської письменниці та поетеси Віри Кушнір.

Редактор Вальдемар Цорн
Корректор Елена Пеннер
Обложка Сергея Конторовича

Изд. № 01.170

ISBN 978-966-96626-4-4 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-00-3 (Герм.)

© «Свет на Востоке», 2008

© 2000 by Vera Kuschnir

У ЕГО НОГ

Я в жизни часто Марфою была,
И суета была моей стихией,
Но иногда, пот отерев с чела,
Я становилась мудрою Марией.

И обратясь спиною к пирогам,
И фартук сняв, как тяжкий груз, постылый,
Я шла к святым Спасителя ногам
И виновато возле них садилась.

Его слова, как свежая вода,
Лились без осужденья и укора,
И было стыдно мне, что не всегда
Я здесь, у этих ног, под этим взором.

У ног Его покой и благодать,
И я убеждена, что очень скоро
Мне было б просто нечего писать
Без этих встреч и этих разговоров.

Ведь здесь источник мудрости и сил,
И жить нельзя без этого общенья.
Здесь Он меня любить и жить учил,
И здесь дарил святое вдохновенье.

И каждый стих, и даже каждый слог
Рождались после незабвенной встречи.
Я получала их у Его ног,
И мне хвалиться абсолютно нечем.

Ему хвала за то, что вдохновлял
На труд и славословье мою душу,
Ему хвала за то, что позволял
Он мне сидеть у ног Его и слушать.

* * *

Я была пустырем,
Целиною, поросшей бурьяном,
Рос он буйно на мне
И душил своим запахом пьяным.

Он тянул мои соки,
Был сильным, а я все слабела,
Я жила, чтоб питать
И растить его гнусное тело.

Но пришел Земледелец,
Взрыхлил меня плугом глубоко,
Вырвал с корнем бурьян
И склонился ко мне, одинокой.

И из сумки Своей,
Что с плеча Его низко свисала,
Он зерно положил в меня –
Жизни и счастья начало.

Солнце грело меня,
Орошал меня дождик весенний,
Разрослося зерно,
Стало стройным, прекрасным растением.

Я следила за тем,
Как на нем показались почки,
Как набухли они,
Как из них распустились листочки;

Как цветы расцвели
(Я дышала их запахом нежным),
Как плоды показались –
Совсем не такие, как прежде;

Как срывали их дети,
И взрослые люди, и старцы,
Как их лица потом
Покрывались здоровым румянцем...

И мне так захотелось
Еще стать щедрей и любезней
И для блага людей
Стать еще плодоносней, полезней,

И чтоб снова пришел
Земледелец с сумою и плугом,
Чтоб Он сеял в меня,
Чтоб навек моим сделался другом.

ХЛЕБ

В хрустальную вазу на полке
Не ставлю фиалок и роз я,
Ни ландышей с запахом тонким,
Но ржи золотые колосья.

Пучок колосющихся злаков
Мне роз и жасмина дороже –
Он служит таинственным знаком
Заботы и щедрости Божьей.

Нам дорог был хлеб в голодовку,
Его мы ценить научились.
Колосьев созревших головки
Во сне нам тогда только снились.

Христос, милосердный Сын Божий,
Небесным назвал Себя хлебом –
Нет пищи полезней, дороже
Для духа и тела под небом.

НУЖНО ЗНАТЬ

Жить на земле и не знать, зачем?
Смотреть вперед – ничего не видеть?
Ведь счастье, мы знаем, дается тем,
Кто ищет его хоть в каком-то виде.

И мир расступается перед тем,
Кто знает, куда направляет шаги.
Жить на земле, нужно знать, зачем
И видеть цель, хоть кругом ни зги.

Достойную жизнь и смерти цель,
Дающую смысл и значение такое,
При котором, что б человек ни терпел,
Его душа оставалась в покое.

Твердо знать, что в конце пути
Отдых ждет и за труд награда.
Иначе нет смысла вперед идти,
Иначе ни жизни, ни смерти не надо.

Христос пришел, чтобы путь открыть,
Ведущий к счастью, к души покою.
К счастью, ради которого жить
И умирать очень даже стоит.

Ты ищешь путь, которым идти,
Зачем живешь, хочешь знать, наверно?
На земле нет вернее Христова пути,
Пути служенья любви и веры.

На нем узнаешь, живешь зачем.
Перед смелым прочь убегут враги.
Ведь мир расступается перед тем,
Кто знает, куда направляет шаги.

БЛАГОДАРЮ

За ветвь в окне и кошку на заборе,
За южный фиолетовый закат,
За тишину, за близость гор и моря
Благодарю сто тысяч раз подряд;

За то благоговейное смирение,
Что наполняет душу каждый раз,
Когда я слышу птиц свободных пенье
Или гляжу в невинность детских глаз;

За теплое руки прикосновение
Того, кто все со мною пережил
И злое все легко предал забвению,
А доброе признал и оценил;

За то, что Бог великий мне позволил
Душою прикоснуться на земле
К Его следам, к Его словам и воле,
К Его огню, светящему во мгле;

За песнь в душе, за мир в семье и ласку,
За чуткое внимание друзей,
За эту, так похожую на сказку,
Земную жизнь со множеством стезей;

За молодость, за зрелость и за старость,
За тот, быть может, тяжкий переход,
Который так, как сон целит усталость,
Из этой жизни к лучшей приведет.

БОЖИЙ ДОМ

В нашей жизни, где столько труда и усталости,
Столько боли в груди, столько слез на очах,
Для усталой души одно место осталось –
Это Божьего дома уютный очаг.

В этом месте, где слышится весть о спасении,
Возвещается смело Христа благодать,
Еще слышны молитвы и дружное пение,
Еще, падая, люди умеют вставать.

В этом месте поныне душой сокрушаются,
И еще не забыли о слове «прости»,
Еще в память о Господе хлеб преломляется
И погибшему можно спасенье найти.

Здесь далекое прошлое с тайнами вечности
Сочетается просто в прозревших сердцах,
Люди помнят о дружбе, любви, человечности,
Еще к Богу поднять не стыдятся лица.

После мира, в котором невольно вращаешься,
Так ценить начинаешь собрание святых,
Смыслом Божьего Слова сильней наслаждаешься,
Смыслом вечным, глубоким глаголов простых.

И все наши болезни, паденья и слабости
Так ничтожны в сравненье с недугом мирским.
Здесь так много еще утешенья, и радости,
И внимания чуткого к душам людским.

В это место, под тихие своды церковные,
Я люблю приходить, как зимой к очагу,
Только здесь забываю я тучи греховные,
Только здесь отдохнуть я душою могу.

И на сердце так мирно в духовном общении,
Так тепло, что всех хочется крепко обнять.
О, как много дано нам в Христовом спасении!
О, как много дала нам Его благодать!

Пусть вся жизнь будет радостным благодарением,
Каждый день, каждый час, каждый прожитый миг,
За то самое сладкое в мире общение
В Церкви Божьей – в собрание Христовых святых.

ЧЕЛОВЕК

Здесь кем-то протоптана к морю тропинка,
Она односледна, узка...
Здесь кто-то прошел босиком, не в ботинках,
И сел там на камень у скал.

Он долго глядел, как на воду спускались
Последние солнца лучи.
Как волны все ближе и ближе плескались,
Прибой ему ноги мочил.

Ему показалось – он только песчинка,
Прибитая к твердости скал.
Он мелко дрожал и лицом без кровинки
К холодному камню припал.

Сознал себя маленьким, жалким, ничтожным
Средь массы воды и песка...
«Кто я? – восклицал он, – что Ты меня, Боже,
Так долго, упорно искал?

Нашел и обнял, как волна обнимает
Прибрежные груды камней,
И понял меня так, как мать понимает
Своих неразумных детей».

Он долго сидел там. Заката сиянье
Сменилось сияньем луны...
Он знал, что такие вот с Богом свиданья
Не часто нам в жизни даны.

Он вдруг осознал, что он полон значенья
И Богом возлюблен навек.
Взглянув на песчинки в бескрайнем творенье,
Он понял, что он ЧЕЛОВЕК!

Он встал и, расправив широкие плечи,
Пошел в предрассветную тьму...
Я с Богом имела подобные встречи,
За них благодарна Ему.

ЛУННАЯ РАПСОДИЯ

Когда-то луна была дивным светилом,
С сияньем таинственным, тихим, манящим...
Под нею вздыхали о милой и милом,
Поэмы писали рукою дрожащей.

Теперь же иное... Все вдруг изменилось,
Луна потеряла свое назначенье.
С тех пор, как ракета туда устремилась,
Обыденным лунное стало свечение.

И нет больше тайны – все стало известно,
И не к чему больше романтиков вздохи.
Когда на земле станет слишком уж тесно,
Туда переселятся люди-пройдохи.

Извели небо, и воду, и сушу,
И сердце у них лишь насос, как в машине,
И печень меняют, и почки, лишь душу
Еще заменить не пришлось медицине.

Любовь у них только инстинкт, а не чувство,
Супружество – выдумка нашего века,
А дикие звуки и краски – искусство,
В пробирке взболтают вам сверхчеловека...

И боль души тоже у них матерьяльна,
И слезы – желез слезоточных работа –
Все сделали плоским и пошлым, банальным,
И все навевает тоску и зевоту.

И солнце – не солнце, и небо – не небо,
И люди – не люди, а зверя потомки,
А Бог или умер, иль просто и не был –
Открыто кричат они голосом громким.

И нет ничего у них больше святого,
Им нечему больше в смирение молиться.
У них ничего не осталось такого,
Пред чем бы могли они низко поклониться.

О жалкие люди! В своем бездорожье
Вы самое ценное все растеряли.
И веру в святое наследие Божье
На миску похлебки земной променяли.

А нам, как и прежде, сияют светила;
Как прежде, волнует нас чудо творенья
И действует в нас возрождения сила,
Любовь и надежда и вера в спасенье.

Быть верующим в наши дни – геройство.
Идти против течения нелегко,
Когда вокруг такое беспокойство,
Смущение такое и раскол.

И громкий разговор во всех газетах
О том, что люди Бога не нашли
Ни там, за облаками, на планетах,
Ни в сердце обитателей Земли.

Что человек в пробирке жизнь взболтает,
Что он от шимпанзе произошел,
И вот теперь он на Луну летает,
Во все проник и до всего дошел...

А мы по простоте и по старинке
В те дни, когда в почете голова,
Без страха, без стеснения, без заминки
Цитируем из Библии слова

О вечности души, о возрожденье,
О покаянье, гибели и зле,
О смерти и о вечном осужденье,
О новой, обетованной земле.

И мир нас унижает и смеется
Над нашим пониманием вещей,
И смех тот в нашем сердце отдается
Тревожным эхом наших смутных дней.

И по реке безбожья, против ветра,
Давая всем препятствиям отпор,
Мы проплываем сотни километров,
Течению реки наперекор.

А мир глядит, прищурясь, подбоченясь,
И говорит: «Какие чудаки!
Сейчас вот водопад, бурлясь и пенясь,
Их разорвет на мелкие куски».

Но мы плывем, и видит мир с досадой,
Что целы мы и живы, и сильны,
Что не остановили нас ни водопады,
Ни встречные враждебные челны,

Что цель у нас незримо пред очами
И Кто-то нам указывает путь,
Невидимый ему, Он явно с нами,
Всегда готовый руку протянуть,

Помочь достигнуть цели заповедной
Осмеянным, поруганным пловцам
И встретить впереди с венцом победным
Героев, претерпевших до конца!

БОЖЕ МОЙ

Когда сердце болит и тоскует порой,
Непосильным покажется путь,
Ты склонись надо мной, Боже мой, Боже мой,
Дай мне сил у Тебя почерпнуть.

Если в сердце сомнений войдет целый сонм
И унынье заснуть не дает,
Ты склонись надо мной, Боже мой, Боже мой,
И сними с меня тяжкий мой гнет.

Если слышишь, что я недовольна судьбой
И ропщу на себя и других,
Ты склонись надо мной, Боже мой, Боже мой,
И избави от мыслей плохих.

Если видишь меня в тишине Ты ночной
На коленях в слезах пред Тобой,
Ты склонись надо мной, Боже мой, Боже мой,
И услышь, и прости, и омой...

Когда время придет мне расстаться с землей
И оставить всю жизнь позади,
Ты склонись надо мной, Боже мой, Боже мой,
И в покой меня вечный введи.

Пожалей меня, Боже, молю, пожалей!
Я хочу, чтобы жизнь моя стала светлей.

Я хочу, чтобы совесть была, как кристалл,
Я хочу, чтоб покой в моем сердце настал.

Я с самою собой на войне много лет,
Не смирюсь со своею судьбою я, нет!

Я не верю, что жизнь поражения – «судьба».
Я не верю, что тщетна, бесплодна борьба.

Твое Слово гласит, что кто ищет, найдет,
Что Ты силу даешь тому, кто упадет;

Что Ты любишь того, кто Тебя возлюбил,
Что победа в Тебе, что Ты мир победил!

Потому я к Тебе за подмогой иду,
Знаю, отклика в душах людей не найду.

Знаю, святость в Тебе и победа над злом,
Знаю, счастье в Тебе, я уверена в том!

Потому Ты всего в этом мире милей.
Пожалей меня, Боже, молю, пожалей!

УТРЕННИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Вставать не хочется. Усталость или лень?
Желанья нет начать унылый день.
Охоты нет подняться для работы...
Сама себя я спрашиваю: «Кто ты?
Кому еще нужна на этом свете?»
Ну, как кому? Нужна, конечно, детям!
Но это до поры, пока взращу их,
А там уйдут... И время уврачует
Разлуки боль и пустоту заполнит.
Как хорошо, что сердце зла не помнит
И бережет лишь память о хорошем,
И облегчает этим жизни ношу.
Да, я нужна еще, конечно, мужу,
И он мне еще очень даже нужен.
Мы много лет прожили дружно вместе,
Мы, как муки крупницы в хлебном тесте,
Смешались так, что больше не разделишь.
Мы сжились, слились, мы друг в друга вьелись!
И есть еще друзей интимных круг,
С которыми мы делим свой досуг.
Родных и близких есть семья большая,
Похожая на птиц домашних стаю.
И есть (важней всего!) Отец Небесный,
Есть труд святой и в сердце эта песня,
Которая поется непрестанно...
О, я нужна! Скорей, пожалуй, встану,
Чтоб времени не тратить по-пустому;
Пройдусь тихонько по двору и дому,
Закрою дверь и Богу помолюся,
Душою в Его Слово углублюся,
Почувствую, как происходит чудо,
Как на меня неведомо откуда
Нисходит радость и желанье жить,
Желание творить, служить, любить...

Откуда-то приходит вдохновенье!
Я снова посвящаю на служенье
Себя Тому, Кто к жизни возродил
И смысл, и путь, и цель душе открыл!

* * *

Есть великое счастье в прощении зла и забвенье,
Сколько было в пути некрасивых и злых впечатлений!

Но, на жизнь оглянувшись, на все то, что в прошлом
осталось,
Я не чувствую горечи, злобы, а только усталость.

Я не помню обид, огорчений, разбитых желаний,
Помню радость при встречах и теплое чье-то вниманье,

Запах талого снега и клейких весенних листочков,
Гриб, найденный в лесу под травой поросшею кочкой.

В летний зной на полях помню я урожай уборку,
И душистую свежего хлеба хрустящую корку,

Неба звездного близость и тихую ночи прохладу,
И биение сердца кого-то сидящего рядом...

Чьих-то рук теплоту и во взоре без слов пониманье,
Чьих-то слез красоту, слез от счастья, а не от страданья.

Помню дружбу людей – бескорыстную, верную дружбу,
При которой притворных, пустых объяснений не
нужно.

Материнскую ласку, а позже и детскую тоже...
О, как много добра подарил Ты мне в жизни, мой Боже!

И добро это вечно, в нем скрытая тайная сила,
В моем сердце она разрослась и все зло победила,

С того дня, как открылось мне вечное в Боге спасенье,
Я надеждой живу на победу над злом – воскресенье!

Зло не вечно, оно удалится, исчезнет,
Унесет за собою обиды, раздоры, болезни...

Жизнь прожить, зла не помня! Какая для сердца отрада!
Разве что-то еще нам для счастья всеобщего надо?

РАЗНИЦА

Разве кто-нибудь плачет,
Когда падают листья,
Высыхает источник,
Увядают цветы?
Разве кто-нибудь плачет,
Когда солнце садится?
Мы об этом не плачем,
Ни я и ни ты.

Износилось платье,
Порвались ботинки,
С полки с шумом свалился
И разбился стакан...
Мы об этом не плачем.
Без долгой заминки
И особой печали
Проверяем карман.

А на днях на дороге
Переехали кошку.
Я сказала тихонько:

«Бедный, жалкий зверек...»
И душою, конечно,
Поскорбела немножко,
Но то не было горем.
Лишь на горе намек.

Но вчера нам пришлось
Хоронить человека.
Это был наш знакомый –
Почтенный старик.
Жизни не было больше
В сомкнувшихся веках.
Ни к чему не причастен
Изменившийся лик.

Это так на осенние
Листья похоже,
На иссохший источник,
Увядший цветок...
Так знакомо и просто,
Тогда для чего же
Я поспешно из сумки
Вынимаю платок?

МОЛИТВА

С такой любовью, как мать,
С таким доверием, как дети,
Ты помоги мне принимать
Все, чем Ты путь мой здесь отметил.

Без «почему» и без «зачем»,
Не прекословя и не споря,
Как я дышу, и пью, и ем,
Так дай мне принимать и горе:

В надежде, что когда-нибудь
Откроешь все, что скрыто тайной,
И что пройденный мною путь
Мне ранил ноги не случайно;

Что каждый миг и каждый шаг,
Прискорбный стон или улыбка
В моих путях – в Твоих руках
Большая цель, а не ошибка;

Что каждый камень на пути,
И каждый шип, и каждый узел
Мне помогал к Тебе дойти,
Не расширял мой путь, а узил;

Что каждой новою бедой
Ты пробуждал от сонной лени,
Когда сажал на «хлеб с водой»
Иль ставил в «угол на колени».

Что нужды все мои подряд
Ты восполнял с большим старанием...
Не Ты ж ведь в том был виноват,
Что я НУЖДАЛАСЬ в наказанье!

Позволь мне жить и умереть
На сей земле, под небом этим,
С такой любовью, как мать,
С таким доверием, как дети.

ОН МОЛИЛСЯ О НАС

Он на гору молиться Один уходил,
Он с Небесным Отцом там общения искал.
Ветер листья олив, шевеля, серебрил
И склоненную голову тихо ласкал.

Камни слышали звуки Божественных слов,
Слезы молча впитала сухая земля,
И кривые ряды узловатых стволов
Знали все, о чем Сын там Отца умолял.

И до нас донеслись чрез седые века
Духом Божиим хранимые эти слова.
Я читаю, что чья-то писала рука,
И склоняется низко моя голова.

В свете Слова Его виден каждый пробел,
Каждый промах и каждый уродливый грех:
Мог кому-то помочь – не хотел, не успел,
Поощрить мог, но свой был важнее успех.

Потому-то Спаситель молился о мне,
Знал, что трудно мне будет бороться с грехом.
И я вижу Его на горе в тишине...
И хоть больно и стыдно, я радуюсь в Нем.

Он как будто бы тихо со мной говорит:
«Не спеши, не заботься, ведь время не ждет,
Посмотри, как сияет на солнце гранит,
Посмотри, как вечерний горит небосвод;

Наклонись на пути, чтоб понюхать цветов,
Чтоб головку ребенка погладить рукой;
Не гаси Мною зажженный в тебе огонек,
Пусть течет твоя жизнь полноводной рекой.

На земле Я трудился не меньше тебя,
Все же время имел отойти от забот
И колени склонить перед Тем, Кто любя
Нам так много прекрасного в жизни дает».

И я плачу, когда говорит Он со мной,
Непривычная ласка – для сердца елей,
И на «гору» свою с тишиною ночной
Ухожу для молитвы с тоскою своей.

Через Слово Свое Он ко всем говорит:
«Пробудитесь, покайтесь, придите ко Мне...»
Отзовитесь, пока Его голос звучит, –
Он молился о всех на горе в тишине.

ОСТАНЬСЯ С НАМИ

Останься с нами, Господи. Какое
Настало время! Гаснет солнца свет.
Века пришли к закату, есть бывшее,
Но будущего... будущего нет!

Когда-то люди думали о детях,
Потомства будущность тревожила мозги,
А ныне днем одним живут на свете,
А впереди, хоть глаз коли, ни зги!

Системы безупречной, идеальной
Для управления миром нет как нет.
Пришли в тупик, безвыходный, печальный,
И не нашли на свой вопрос ответ.

Каких теперь не развелось «измов»!
Есть даже «христианский атеизм»,
Но ужас бомбы отравляет жизнь им,
Как острый меч, над головой повис.

О Боге говорить непопулярно,
Когда ракеты целятся в Луну.
Объят последним заревом пожарным,
Мир катится, закрыв глаза, ко дну.

Любовь остыла, вера ослабела,
Точь-в-точь по предсказанию Творца.
О, сохрани в нас начатое дело!
Останься с нами, Боже, до конца.

Останься с нами, нам тепло с Тобою,
И с миром этим нам не по пути,
Веди нас обособленной тропой,
В край обетованный Сам помоги дойти.

И, может, заблудившиеся души,
Тебя увидев с нами, захотят
Твои глаголы вместе с нами слушать
И с нами по Твоим ходить путям.

Останься с нами, Господи, нам трудно
С мировоззреньем нашим устоять.
Пошли нам свет Твой истинный «оттуда»,
Дай утешаться нам и утешать.

Останься с нами, Господи, и дома
Хлеб жизни перед нами преломи,
Напомни нам движением знакомым
О том, чтоб жили мы Тобой Одним.

«ВОЗЬМИ КРЕСТ ТВОЙ И СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ»

Мне хотелось идти за Христом без креста,
Налегке по дороге земной,
Но, призвав меня, Он мне сказал неспроста:
«Возьми крест твой и следуй за Мной».

Я сказала Ему, что боюсь креста,
И призналась, что им тягочусь...
Но я подняла взор и во взгляде Христа
Увидала глубокую грусть.

«Без креста ты не сможешь за Мною идти,
Крест всегда неразрывно со Мной.
Поношенья, насмешки на узком пути,
На широком же мнимый покой.

На добро твое мир будет злом отвечать
И пример твой поднимет насмех.
А паденье твое будет жадно встречать
И приветствовать каждый твой грех.

Будет истинность слов твоих враг извращать,
И порывы святые твои
Будет смешивать с грязью, ногами топтать,
Как когда-то порывы Мои.

Он расставит капканы и сети вокруг
И окрасит все в розовый цвет,
Чтоб не видела ты, кто твой враг и кто друг,
И вокруг тебя тьма или свет.

Будет всюду порочить он имя твое
И в труде будет бить по рукам.
Ты уйдешь на молитву в жилище свое,
Он терзать тебя будет и там.

Это все неизменно бывает у тех,
Кто за Мною решится пойти.
Это крест... Но духовный имеет успех,
Кто его не боится нести.

Расплавляясь в огне, закаляется сталь,
Очищается золото в нем.
Знаю, в радость твоя превратится печаль,
Если путь твой пройдешь ты с крестом.

Крест неся до конца, победишь, как и Я,
Себя свяжешь с Моею судьбой».
И сказала я: «Господи, ради Тебя
Возьму крест и пойду за Тобой!»

ТЕРПИ, ДУША

Терпи, душа, осталось немного
Терпеть и ждать – Христос придет опять;
Терпи еще, держись за руку Бога,
Надейся, жди, душа, хоть трудно ждать.

Он знает: ты давно Его заждалась,
Что и в среду святых прокрались зло и лень,
Что никогда еще так церковь не нуждалась
В Его любви, единстве и тепле;

Что мир лежит в растление и разврате.
В нем больно жить и часто нестерпимо,
Когда глядишь, что даже сестрам, братьям
Знакомы стали лицемерье, ложь...

К кому пойдем? Глаголы вечной жизни
Лишь во Христе, и в Нем на все ответ.
Мы ослабели на пути к отчизне,
Мы охладели. Это не секрет.

Мы это чувствуем, мы это понимаем,
Мы говорим об этом и поём,
Мы молимся об этом, унываем
И волочим свой крест, а не несем.

Не страшна боль, не страшны испытанья,
Они ведут к сердечной чистоте,
Из мертвого, пустого состоянья –
К победе, к совершенству, к полноте.

Пусть Дух Святой огнем повеет с неба
И выжжет все, что дьявол насадил,
Чтоб стали мы душистым, свежим хлебом
Из зерен, что Сам Бог обмолотил.

БОГ

Бога легко искать,
Бога легко найти.
Бог – это благодать,
Бог – это свет в пути.

Это – любовь моя,
Это – добро твое,
Это – средь бурь маяк,
Отдых в конце боев.

Бог – это первый вздох,
Первый ребенка крик,
В новую жизнь порог,
В вечность манящий Лик.

Это – весенний дождь,
Это – осенний гром,
Это – по телу дрожь
В храме Его святом.

Это – молитвы стон,
Гимнов хвалебных звук,
Это – земной поклон,
Это – скрещенье рук.

Бог – это вечный Дух,
Это – стихий закон.
Бог – это лучший Друг,
В бедах помощник Он.

Бог – это наш Судья,
Истины вечный страж,
Бог – это суть моя,
Совести голос наш.

Бог – это в сотах мед,
Бог – это хлеб и соль,
Тот, Кто нам мир дает,
Тот, Кто врачует боль.

Это – любовь людей,
Это – прощение зла,
Это – в душе моей
Мощный родник тепла.

Бог – это жизни пульс,
Это – надежды луч,
Щит от враждебных пуль,
Кров от нависших туч.

Это – голгофский крест,
Это – воскресный день,
Это – Благая весть,
Крыльев могучих сень.

Это – святая кровь,
Это – прощенный грех...
Бог – это та любовь,
Что обнимает всех!

ЭТО ТЫ

Как прекрасно все то, что Твое!
Мне повсюду Твой слышится голос:
Ветром в листьях звенит и поет,
В сердце шепчет, как зреющий колос...

Эти горы, покрытые мхом,
Эти волны, покрытые пеной,
Этот берег с горячим песком,
Это солнце в бескрайней Вселенной!

Боже мой, это Ты, это Ты!
Я с Тобою повсюду встречаюсь,
Когда рву мимоходом цветы
Иль на чей-то поклон отвечаю.

Мне повсюду видна Твоя кисть,
Твой резец и Твой почерк с размахом:
В детском взоре, что светел и чист,
И в мужских пропотелых рубашках.

Это Ты нам даруешь детей,
Это Ты научил нас трудиться,
Потому я хочу все сильнее
И все чаще, усердней молиться.

Боже мой, это Ты окрылил
Мою душу нетленной надеждой
И отрепья земные прикрыл
Своей новой и чистой одеждой.

Это Ты меня петь научил,
Потому моя песнь не смолкает.
Это Ты в меня свет Свой пролил,
Он и в вечности не угасает.

Как прекрасно все то, что Твое!
Пред величием Твоим я немею.
Это Ты, это Ты мне даешь,
Все то доброе, что я имею.

СВЯТОЕ ИМЯ ПРОИЗНОСИ СВЯТО

Был день весенний светел.
Созвав своих друзей,
Меня просили дети
Их повезти в музей.

Мы в монастырь старинный
Поехали тогда.
Еда в большой корзине
И в термосе вода...

В тени кирпичной арки
Нас встретил там монах,
Хитон на нем неяркий,
Сандальи на ногах.

Подвязанный веревкой,
Подстриженный «в кружок»,
Детей вниманье ловко
Он вмиг к себе привлек.

Сначала за оградой
Показывал нам сад:
Побеги винограда,
Маслин неровный ряд...

Он каждое растение
Там поименно знал
И этим восхищенье
Детишек вызывал.

Водил по коридорам,
По кельям, погребам,
Ритмичным разговором
Он увлекался сам.

И говорил с волнением
О древних временах,
Когда постом и бдением
Спасался брат-монах.

И каверзных вопросов
Никто не задавал,
Никто не чмыхал носом
И не перебивал.

Девчонок и мальчишек
Он как зачаровал,
А голуби под крышей
Подняли страшный гвалт.

Монах им: «Тише, тише,
Никто не тронет вас...»
И тут к распятью в нише
Мы подошли как раз.

И у распятия стоя,
Монах сказал: «Христос!»
Но имя то святое
Так нежно произнес,

Что небо стало выше
И будто голубей,
И в тишине не слышен
Был ропот голубей.

ЦАРЬ ГРЯДЕТ

Мы живем в Содоме и Гоморре,
Зло достигло крайнего предела.
Разлилось, как яростное море,
А земля себя недоглядела.

Отдалась нахлынувшему валу,
Пала, как «великая блудница»,
Так, как будто бы она не знала,
ЧТО в том мутном омуте таится.

Ведь по ней прошел Спаситель кроткий,
Все сказал ей, все, что нужно, сделал,
Но она забыла те уроки,
Истиною жить не захотела.

И пришла к концу своих блужданий,
Докатившись, так сказать, «до ручки»,
Не сбылось волнение ожиданий,
Обманул лукавый на толкучке.

Близятся намеченные сроки,
Все приметы предвещают грозы,
Не Младенец в яслях светлоокий –
Царь грядет, уверенный и грозный.

Царь грядет Своих забрать от мира.
Все короче благодати лето.
Плачь, земля! Сжигай свои кумиры,
Кайся, пока песнь твоя не спета!

Царь грядет на радость ожидавшим.
Пой, ликуй, спасенный и прощенный!
Царь грядет! Не будь же опоздавшим
Путником у двери затворенной.

ГОСПОДИ, ГРЯДИ!

Мне хочется порой забыть, забыть навеки
О том, что злоба есть, и зависть, и вражда,
И верить лишь в добро, что в каждом человеке
Горит, как отдаленная звезда.

Не видеть взглядов злых, не слышать слов
обидных,
Самой свободной быть от грустных дум моих.
В общении с людьми искать почти невидных
Крупниц добра, любви и видеть только их.

Но зло живет везде, во всех, во всем от века,
И лишь в одних оно виднее, чем в других,
И делает оно несчастным человека,
Держа его всегда в когтях своих.

И я его в себе нередко ощущаю,
И больно мне тогда, когда друзей моих
Вдруг тоже иногда как будто прорывает,
И горечь на устах, и зло во взоре их.

И я бегу в себя, бегу в уединенье,
И горько жалуясь на общую судьбу,
И плачу пред Творцом, прошу освобожденья,
Ответа на мою насущную мольбу.

И чувствую душой – Творец мне отвечает,
Что скоро все пройдет, что скован будет враг
И зло, что нас гнетет и дух поработает,
Рассеется, как дым, как предрассветный мрак.

И свет, что был таким ничтожным, незаметным,
Заполнит все собой и злобу победит...
И я с надеждой жду свершенья слов заветных
И с верой говорю: «О Господи, гряди!»

СПАСЕН

Мне говорят, что фраза «я спасен»
Звучит самоуверенно и дерзко,
Что гордостью смельчак тот побежден,
Кто смеет говорить, что он спасен,
И утверждение его не веско.

Но лучше ли звучит «спасаюсь» –
С самонадеянною «ся» частицей?
Что значит сам себя спасти пытаюсь
И Богу угодить стараюсь.
Не тут ли гордость скрытая таится?

Надежда, что ты как-то сможешь сам
Загладить все и без греха, омытым,
Приплыть к святым небесным берегам,
«Авось» – и без спасенья будешь там,
Без крови Господа, за нас пролитой.

Я ж не спасаюсь, нет, но я спасен
Из бездны адской, для меня лишь явной,
Тем, Кто на крест был страшный вознесен.
Спасен, искуплен, принят и прощен
Святою жертвой, чистой и преславной.

Не сам себя, о нет, не хватит сил!
Но кровию Спасителя Вселенной,
Который так нас, грешных, возлюбил,
Что кровь Свою пречистую пролил.
Им я спасен, Христом моим смиренным.

Им я спасен и Им, Его рукой
Водимый, через жизнь пройду победно.
Я Им спасен! О, радость! О, покой!
Христос в любви склонился надо мной,
И поднял ввысь, и грех прогнал бесследно!

О, как не повторять: «Спасен, спасен!» –
Тому, кто бездне адской приобщился,
Но был Христом из ада извлечен,
Его голгофской жертвой привлечен,
Был Им спасен и снова в Нем родился.

Пусть говорят, что гордость в тех словах,
Но я их повторять не перестану,
Я с ними умереть желаю на устах,
Они лишь отвращают смерти страх
И гнев Творца, когда на суд предстану.

А тем, кто слышит гордость в тех словах,
Советую прийти к Христу серьезно
И посмотреть на раны на руках,
На грудь пронзенную, на смерть в Его очах –
И дар спасения принять, пока не поздно.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО ИЗ РОССИИ

Дорогая сестра, далекая,
Ничего о тебе я не знаю.
Только чувствую душу глубокую,
Только ласку твою ощущаю.

Дорога мне твоя эта искренность
И любовь, что в словах твоих светится.
Так Господь нас учил: не заискивать,
А любить всех, кто в жизни ни встретится.

Ты до слез меня тронула, милая,
Тем, что хочешь шагать со мной рядом.
И Христа о тебе попросила я,
Чтобы Он удалил все преграды.

Чтоб открыл тебе тайну спасения,
На кресте совершенного Богом,
Как и мне после слез на коленях
Он открыл в Свое небо дорогу.

Ты не только землячка мне близкая,
Ты мне также еще и ровесница.
Так прими же поклон мой низкий,
Дальней родины добрая вестница!

ТЫСЯЧА МИЛЬ

Между мной и новым поколеньем
Тыща миль!
Я рассказываю им с волненьем
Сказку? Быль?

Говорю, мои глаза сверкают,
А они – молчок!

Незаметно, вежливо зевают
В кулачок.

О войне, о бегстве, о чужбине,
Лагерях...
О вещах, которые поныне
Нагоняют страх.

Говорю им с чувством, чуть не плачу –
В горле ком.
Как в село ходили наудачу
Мы пешком.

На морозе нос алел, как клюква,
И мечтой
Были пироги с промерзлой брюквой
Кормовой!

Трудно слушать нашим сытым детям
Про беду.
Знаю, что в их души словом этим
Не дойду.

Не преодолею расстояние
В тыщу миль!
Только б их не стала достояньем
Моя быть.

Только б Бог их от пути страданий
Сохранил.
Жить бы и без тяжких испытаний
Научил.

Может, жизнь прожить без горя можно?
Может быть...
Но без бури тишину возможно ль
Оценить?

ТЕМ, КТО МОЛОД

Мы слышим голос. Он мягче моха,
Он легче пуха, нежнее вдоха.
Он шепчет тихо: «Вот это плохо,
А это делай, вот это нужно...»
Тот голос в сердце, а не снаружи.
Когда мне было лет, может, двадцать,
Тот голос начал ко мне стучаться,
И звать куда-то, и беспокоить:
«Иди за Мною... Иди за Мною...»
Ни на чей голос не был похожим
Всех звуков в мире стал мне дороже,
Когда узнала в нем голос Божий.

Но голос сердца бывало все же
Я заглушала порой, и что же?
Он становился сильней и громче,
Как будто лодку покинул кормчий,
А всюду буря, и гром грохочет,
И сердце плачет, и крикнуть хочет:
«Прости мне, Боже, что голос тихий
Я заглушала себе на лихо».
Хочу сказать я всем тем, кто молод:
«Не заглушайте духовный голод!»
Зовет вас голос средь бури воя:
«Иди за Мною... Иди за Мною...»
Не отвергайте тот голос нежный,
Ведь встреча с Богом всем неизбежна.
Пока вы юны, пока вы свежи,
Не заглушайте тот голос нежный!

ВОЙНА

Война, даже самая «правая»,
Нагоняет тоску и жуть.
У нее всегда руки кровавые
И в глазах смертельная муть.

Проливается кровь невинная
Между прочим и «под шумок»,
И течет рекою длинною
Человечьего горя поток...

На войне не сыскать виноватого –
Все по-своему как-то правы.
Вопиет под сгоревшею хатою
К небу кровь сироты и вдовы.

Человек, сатанюю натравленный,
Даже в братьях видит врагов.
Разлилось по земле отравленной
Злобы море без берегов.

Но бывает война священная
И победа слаще, чем мед,
Когда душою нетленною
Человек против зла пойдет,

На сердечном поле сражения
Победа над злом нужна.
И утихнут бунты, брожения,
И забудется слово «война».

МОЛОДЕЖИ

Когда в поле колосится рожь,
Ветер гонит в небе облака,
Ты земной дорогою идешь,
Твоя поступь молодо легка.

Пред тобой открыты все пути,
У тебя энергии запас –
Только пой, влюбляйся и шути,
Планы строй, что не включают нас.

Это все присуще молодым,
Этот путь как будто бы хорош,
Но известно многое седым,
То, чего не знает молодежь.

Мы уже прошли твоим путем,
Закалились, опыт обрели.
Нам беда любая нипочем,
Мы искали счастье и нашли.

Хочется тебя предупредить,
Что на розах место есть шипам,
Хочется соломки подстелить,
Руки подложить то здесь, то там.

Ты ж горда, упряма, молодежь,
Хочешь до всего сама дойти.
Думаешь, что все сама найдешь,
Сможешь личный опыт обрести.

Выслушай родительский совет:
Ты не пожалеешь ни о чем,
Если в цвете твоих юных лет
Встретишься в дороге со Христом.

Будет новый путь тебе открыт,
Если свою жизнь Ему вручишь,
Если, когда Он заговорит,
Ты, склонившись низко, помолчишь.

Будет в поле колоситься рожь,
Будет ветер тучи в небе гнать...
Ты ж в беседе со Христом поймешь,
Что пытались мы тебе сказать.

ВСЕХ ВЫШЕ

В наши дни снова люди хотят
Растоптать, уничтожить,
Умалить и из жизни прогнать,
Поразить Сына Божья.

«Он мешает! Не нужен!» – кричат,
Как тогда пред Пилатом.
Но столетья молчать не хотят
Об Иисусе распятом.

Прогоняют из жизни Того,
Кого Бог прославляет.
Унижают Христа своего,
А Отец возвышает.

«Самозванца Иисуса распни!
На свободу Варавву!
Только двери тюрьмы распахни,
Угодишь нам на славу...»

«Вот Он, в Нем я не вижу вины,
Распинайте Святого». –
И Пилат, пряча взор от жены,
Не сказал ей ни слова.

Озверела, бушует толпа,
И Варавва ликует.
Кто-то там к Иисусу припал,
Ему ноги целует...

Но уже подхватили, ведут.
Крест на плечи взвалили...
Вдалеке потаенно идут,
Кто с Ним явно ходили.

И летит Ему ругань вослед
(Так уж, видимо, нужно),
Дал добро – получил зло в ответ
И враждебность за дружбу.

Подбегают и бьют по щекам,
И плюют, и хохочут...
А глаза в глубине черных ям,
Голова кровоточит...

Спотыкается, падает Он,
Ослабел, нету мочи...
И знакомый бесшовный хитон
Его кровью промочен.

А потом на вершине холма
Измощенное тело
Там, сводя своим видом с ума,
Над толпою висело.

Так пытались с грязью смешать,
Не видать и не слышать.
А когда на кресте был распят,
Оказался всех выше.

Высоко-высоко на гвоздях,
И вот хочешь – не хочешь,
Сверху вниз не посмотришь никак –
Подымай кверху очи!

ЭДЕЛЬВАЙС

«Возвожу очи мои к горам...»

С загорелым лицом, смело поднятым ввысь,
К небесам, где орлы лишь дерзают летать,
Человек подымался по склону горы,
Чтобы редкий цветок на вершине сорвать.

Эдельвайс – благородный, пушистый цветок,
Что растет, где ручьи ледяные бегут.
Путь к вершине горы крут, извилист, далек.
Там цветок тот, красуясь, цветет на снегу.

«Серебристый, особенный, редкий цветок
Я найду, я сорву... – повторял человек. –
Он своей красотой мою душу привлек,
Эдельвайс на снегу у источников рек.

Если я поскользнусь, если я упаду,
Ночь настигнет меня... Отдохну, подымусь
И цветок на вершине горы я найду,
И в долину домой без него не вернусь!»

Как прекрасен Христос на вершине холма,
На кресте, что спасение людям дает!
Мир объяла густая, гнетущая тьма,
Возведи свои очи к горам, пешеход!

Пусть как редкостный горный, прекрасный
цветок,
Твою душу пленит красотой Христос.
Пусть напоит тебя вечной жизни поток.
Пусть стопы твои станут на твердый утес.

Будет трудно – крепись, будешь падать – вставай.
То, что в Нем ты найдешь на вершине крутой,

Во сто крат превосходит ценой эдельвайс,
И ничто не сравнится с Его красотой.

И когда ты взойдешь, ты на крест погляди
С покаяньем в груди, с лицом, поднятым ввысь,
Драгоценную вечную жизнь там найди
И с пустою душою домой не вернись!

ОН И МЫ

Посмотрим на Того, Кто жил
Здесь, на земле, для нас с тобой.
Как вел Себя, что говорил,
Мирился ли с Своей судьбой.

От Вифлеема до креста
Он был примером простоты,
Но неземная красота
Светилась сквозь Его черты.

Всегда открытый, светлый взор
Бывал и строгим, но не злым,
С глубоким смыслом разговор
Неоспорим, неотразим.

Он ласков, добр и чуток был,
Он твердо знал, зачем живет.
Он жизнь дарил, питал, целил,
Учил и наставлял народ.

И поношенья принимал,
Как принимают похвалу:
Склонивши голову, молчал
В ответ на явную хулу.

Он был Любовь, и Жизнь, и Свет.
В том сердце, где Он побывал,
Сомнений нет и злобы нет,
Нет бурь, найдён души причал.

Он предан был, но твердо снес
Позор, оставленность Свою,
И на Голгофу Сам отнес
Вину тяжелую мою.

Он всех любил и всем прощал,
За всех молился и за всех
На страшном древе умирал,
Распяв Собою мира грех.

Он все терпел и все сносил
И вывел нас во свет из тьмы.
Он мудро жил и свято жил
И нас учил тому,
А мы?

ЕСЛИ НЕТ ВОСКРЕСЕНЬЯ...

Если нет воскресенья, тогда не должно быть весны,
Ни травы молодой, ни подснежников нежных,
прекрасных.

И те зерна, что пахарем были земле отданы,
Умирили бы в ней навсегда, бесполезно, напрасно.

Но с надеждою сеет крестьянин сухое зерно,
Веря в жизнь, что сокрыта в его неживой оболочке.
Знает он, что в свой час непременно воскреснет оно,
Оживет, как на дереве голым набухшие почки.

Человек – не зерно, не цветок, не сиреневый куст,
И не плоть он и кровь, и не только он кости и кожа,
Сам Творец из Своих животворных, Божественных уст
Жизнь вдохнул ему в грудь, на Себя его сделав похожим.

И ту жизнь, что вдохнул Он, не в силах никто победить,
Не над нею победу трубят, торжествуя, могила –
Только тело ее, а душа, как жила, будет жить,
В ней сокрыта Творцом навсегда воскресения сила!

ТАЙНА ИСКУПЛЕНИЯ

Руки на крестовой поперечине,
Ноги притянул гвоздями брус,
Лик, венка шипами изувеченный,
На груди повис, как тяжкий груз.

За какие злые преступления
Обречен Он на такую казнь?
Почему молился о прощении
Палачей Своих в последний час?

Почему, как в светопреставление,
Под ногами почва затряслась
И завеса – храма разделение –
Надвое сама разодралась?

Почему могилы многолетние
Возвратили к жизни мертвецов?
Почему сильнее и заметнее
Исказилось на кресте Лицо?

Кто Он, осужденный на распятие
За провины чьи-то, не Свои?
Не мое ль вознес на крест проклятие,
Преступленья распял не мои ль?

Не о мне ли просит умирающий,
Не мою ль вымаливает жизнь?
И не для меня ли, погибающей,
Струи слез и крови там лились?

И на голос совести карающий,
На вопросы строгие души
Я ответ, сомненья разрушающий,
Получила как-то раз в тиши:

«Это за твои провинны многие
Жертвою любви стал Иисус,
Чтоб нашла души спасенье в Боге ты,
Чтоб бессильным смерти стал укус...»

Не вмещая это откровение,
Благодарность принесла Ему.
Знаю я, что тайну искупления
Не сейчас, а в вечности пойму.

ОН МОЙ

Он к ним пришел, они Его ждали,
Веками обетованного Богом,
И с криком на Голгофу отвели,
Избили, осмеяли, извели,
К публичной казни присудили строго.

А я не чаяла пришествия Его,
Не знала, что обещан Избавитель,
Но из пучины горя своего
Взмолилася, не зная ничего,
И Он ответил мне. Ко мне пришел Спаситель!

Он стал моим не так, как человек,
Что может изменить и передумать,
И, мимо проходя израненных, калек,
Взор пряча свой в тени прикрытых век,
В протянутую руку камень сунуть.

Он стал моим не так, как президент,
К которому не так легко пробиться.
Я для него – безличный инцидент,
А письменная просьба – документ,
Где подписей, печатей вереница.

Он стал мне другом, братом и Отцом,
Отдавшим жизнь, чтоб я жила вовеки.
Увенчанный из терния венцом,
Он смотрит на меня святым Своим лицом –
Мой Бог, Он для меня стал Человеком!

«Господь и Бог мой!» – в душу мне вошли
Слова Фомы и снова в ней ожили,
Как Магдалины плач в саду Святой земли:
«О, МОЕГО Иисуса унесли,
Не знаю, господин, где положили...»

Он их, Он мой, Он ваш. Он равно близок всем.
О, глубина и полнота отдачи!
Как отблагодарить Его и чем?
Я жизнь свою хотела бы совсем
Отдать Ему без жалости, без сдачи.

И пусть недаром Он ко мне пришел,
Когда к Нему я руку протянула,
И Он меня в число спасенных ввел.
Пойду за Ним, куда б Он ни повел,
Куда б дорога та ни повернула.

ОН ОДИН

У меня в душе большое горе,
Но в устах нет слов для боли этой.
Даже тени боли нет во взоре,
Я ни с кем не поделюсь секретом.

Я судьбой не раз бывала бита,
Научилась принимать не споря
Все, что к берегам моим прибито,
В том числе и это мое горе.

Я в одном убеждена всецело:
Боль никто со мною не разделит,
Никому на свете нету дела
До чужого горького удела.

Одного имею только Друга,
Одного, Кому сказать все можно,
Чья любовь всегда к моим услугам,
Дружба Чья верна и непреложна.

Он Один поймет и не осудит,
Перед Ним мне слез скрывать не нужно.
Грустно – плачу, радостно – смеюся...
В людях не нашла такой я дружбы.

МАМЕ

(Ко дню рождения)

Ты теперь почти совсем седая.
Ростом меньше ты теперь, чем я.
Но, как прежде, ты моя родная
И, как прежде, я твое дитя.

И, как прежде, когда очень больно
И из глаз моих слеза течет,
Ты беспрекословно, добровольно
Подставляешь мне свое плечо.

А когда я говорю заране,
Что приду к тебе я ночевать,
Скрючившись, ложишься на диване,
Уступая мне свою кровать.

Я училась меньше, меньше знаю,
У тебя ж на все ответ готов.
Ты энциклопедия живая,
Ты психолог мой и богослов.

С горечью и болью замечаю,
Как стареешь и слабеешь, мать,
На прогулках чаще начинаешь
Тяжело дышать и отставать.

И хоть я сама уже старею
И сама давным-давно я мать,
Все ж при одной мысли холодею,
Что тебя возможно потерять.

Но одним себя я утешаю,
Что, когда настанет та пора,
Не навек тебя я потеряю,
Ты ж ведь во Христе моя сестра!

Так позволь мне в этот день рожденья
Поблагодарить тебя опять
За твою любовь и утешенье,
За советы, помощь, обличенья,
Вообще за то, что ты мне мать.

1967 г.

СПРОСИ МАТЬ

Что значит впервые дитя ожидать,
Первым движениям под сердцем внимать,
«Кто же родится?» – думать, гадать,
В муках рожденья страдать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси любую мать.

Что значит впервые ребенка держать,
Крик его первый родной услышать,
Сходства с отцом и собою искать,
Грудью своею питать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси любую мать.

Что значит раз десять средь ночи вставать,
Когда так безудержно хочется спать,
Носить на руках, колыбельку качать,
За жизнь молодую дрожать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси любую мать.

Что значит из школы ребенка встречать
И первую с кляксами видеть тетрадь,
И в знак поощренья за чуб потрепать,
Уроки учить помогать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси любую мать.

Что значит на жизненный путь наставлять,
О разных опасностях предупреждать,
Когда придет время, гнездо покидать,
Последний урок преподавать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси любую мать.

Что значит сына с войны ожидать
И с сердцем у горла навстречу бежать,
С трудом дотянувшись до шеи, обнять
И слезы друг друга смешать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси солдатскую мать.

Что значит родное дитя потерять,
Над гробом любимым склоняся стоять
И сердцем разбитым к Творцу вопиять,
Горькие слезы глотать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси страдальицу мать.

Что значит о детях Творца умолять,
С верой просить, чтоб Его благодать
Спасла их? Что значит их нужды понять,
Любить и прощать, и прощать...
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси христианку мать!

БУДУЩАЯ БАБУШКА

Годы ушли куда-то.
С ними напрасны споры,
Но не в беду утрата –
Бабушкой буду скоро!

Скоро в мои колени
Собственный внучек ляжет –
Третье поколение!
Как-то не верится даже.

Издавна всем известно:
Бабушкой стать не ново.
Все же, признаюсь честно,
Я не совсем готова.

Знаю, когда добровольно
«Бабушка» – внучек скажет,
Горло сожмется больно,
Взор станет нежно-влажным...

Ну, а пока есть время
Выйти навстречу чуду,
За дорогое «бремя»
Богу молиться буду.

В колени матери ребенок положил
Все то, чем он безмерно дорожил,

Все то, что потихоньку он стяжал:
«На, мама, сохрани...» – и убежал.

Довольный, с верой твердой, как гранит,
Что мать как есть все свято сохранит:

Кусок резинки, крылья мотылька
И ржавую головку молотка,

Два-три гвоздя и птичьих пол-яйца
С присохшим перышком какого-то птенца.

И тем, что ей «сокровища» принес,
Растрогал он родимую до слез.

О, если б мы могли вот так, как он,
Все принести перед небесный трон

И в руки Божьи молча положить
Все, чем мы научились дорожить:

Надежды, и стремленья, и родных,
Всех, кто нам дорог на путях земных, –

Доверить все заботливым рукам
Того, Кто жизнь Свою нам отдал Сам.

И легче будет жить, исчезнет страх,
Когда богатство наше в небесах.

Мать во взгляде ребенка искала тот будущий взгляд,
Что присущ возмужавшему в бурях житейских мужчине,
Ведь в ребенке-мальчишке зачатки мужчины лежат,
Не по-детски серьезным бывает порой этот взгляд,
Что так близок и мил и открыт его матери ныне.

Но когда возмужает мальчишка, мать будет искать
Улетевшего птицею детства следы в его взгляде.
И напрасно пытаться в мужчине дитя увидеть,
Что к груди прижимала когда-то счастливая мать,
И мечтала о том, как мужчиной он сядет с ней рядом.

ДУШИ ДЕТЕЙ

Доверчивая, чистая, простая
Душа ребенка Богом вручена
Родителям, как вазочка пустая,
Открытая от краешка до дна.

Неосторожно сказанное слово,
Которое, как птицу, не вернешь,
Доверья может потрясти основы,
Как самая отъявленная ложь.

Сказал одно, а делаешь другое,
И ближнего при детях осудил...
И этим сердце чистое, простое
Ребенка своего же засорил.

И, применив не к месту осторожность,
Предвзятое понятие навязал,
И тем суждения личного возможность
И выбора свободу отобрал.

Характер у детей податлив, гибок,
Но можно, перегнув, его сломать.
Не перечесть родительских ошибок,
И все ж их часто можно избежать.

Цветник духовный – Библия Господня,
Мед мудрости в ней льется через край,
И тем, что для себя собрал сегодня,
Ты своим детям души напитай.

Доверчивые, гибкие, простые,
Не знающие истинных путей.
Чем наполняешь вазочки пустые?
Что сеешь в души чистые детей?

ТЕ ГОДЫ...

Те годы, что жизнь незаметно продлили,
И внешность лица моего изменили;
Те годы, что зрение и слух притупили,
И плечи согнули, и зубы сточили;
Те годы, что волосы посеребрили,
Мне душу вскормили и обогатили.
Они мне открыли предвечные тайны,
Значение слов мимолетных, случайных,
Казавшихся в юности звуками просто –
Те годы мне были питаньем и ростом.
Открыли, что значит разлука и жалость,
Что значит боль сердца, и труд, и усталость,
Что значит обида, и горечь, и гордость,
Что значит смирение, прощение и кротость,
Спасительной милости смысл и значенье
И ценность молитвы, и с Богом общенье.
С годами я имя Христа полюбила,
Поняв и увидев, какая в Нем сила!
Мне годы открыли духовные очи,
Хоть сделали жизнь в этом теле короче,
Расширили сердце, путь сделали уже:
Мне опыт их очень полезен и нужен.
И пусть они внешность мою изменяют,
Но душу мою каждый год умудряют.

МОЙ КОСТЕР

Мой костёр был Спасителем как-то зажжен.
Он зажег и сказал: «Ты следи,
Если станет тускнеть или гаснуть вдруг он,
Ты в него еще веток клади».

Я же часто совсем забываю о нем,
И манит меня леса простор.
Он угаром и дымом объят – не огнем
И совсем не похож на костер.

Я хочу, чтобы ярко горел мой костер,
Чтобы было тепло от него,
Чтобы кто-то озябшие руки простер
И погрел у костра моего.

Чтобы кто-то с лицом, освещенным огнем,
Так теплом был костра привлечен,
Чтобы сел отдохнуть здесь спокойно при нем,
Не заботясь уже ни о чем.

Где-то темное небо, и холод, и страх,
Где-то черных кустов тайники,
Но тепло и светло, хорошо у костра,
И летят на огонь мотыльки.

ПО ОСКОЛКАМ ДНЕЙ

Дни пережитые,
Пути пройденные,
В куски разбитые,
Не посвященные
В молитве праведной
Вполне Творцу...

Осколки дней таких
Остры, как лезвия,
Ступни о грани их
Мои изрезаны,
Но я иду вперед
К пути концу.

И каждый новый день
Прошу прощения
За пустоту и лень,
За упущения –
Через Спасителя
Прошусь к Отцу.

И снова радуюсь
И утешаюсь я,
Но снова падаю
И сокрушаюсь я
И по осколкам дней
Стремлюсь к венцу.

И сердцу хочется
Быть совершеннее
И не порочиться
В грехопадениях,
Что детям Божиим
Так не к лицу!

День умер, истекая кровью...
Она по краю неба разлилась.
И ночь сошла на землю
И чёрным покрывалом
Накрыла мертвеца.
Накрыла с головой.
Он больше не придет.
Другой, который завтра
С застенчивым румянцем
С востока к нам придет,
Не будет им,
Он будет новым днем,
А старый безвозвратно ушел,
Ушел навеки.
Мы это наблюдаем каждый день.
Мы КАЖДЫЙ день хороним.
И грустно нам в тот час,
Но вера в новый день
Нам помогает жить,
Дает нам перспективу...
Без воскресенья жизнь – ничто,
И, новый день встречая,
Как после смерти жизнь,
Я Бога умоляю,
Чтоб Он, даруя новый день,
Мне старый день простил.

ПРОЩАНИЕ

Он пришел, чтоб попрощаться
В ясный, теплый день.
В переулке ряд акаций,
Под окном сирень...

Отломил небрежно ветку,
Будто невзначай...
И понес с собой в беседку,
Что-то бормоча.

А когда глухой тропинкой
Шла к нему она,
Грыз зубами хворостинку,
Стоя у окна.

Ветвь сирени неуклюже
Сунул в руку ей
И подумал: «Слов не нужно,
Будет лишь больней...»

Посмотрел в глаза и что-то
Больно проглотил,
А потом по-детски, просто
Крепко обхватил.

И в объятье, и во взгляде
Вдруг еще ясней
Стало то, что слов не надо,
Будет лишь больней...

НЕЗАМЕЧЕННАЯ ГЕРОИНЯ

Ночь. Сирены тревожно воют,
Так, как выли давно – в войну.
Не пойму, что случилось со мною,
Я лежу и никак не усну...

Вой сирены меня встревожил,
Далеко мои мысли унес,
И в душе один образ ожил,
Что не раз меня трогал до слез, –

Образ женщины, что растила
Под бомбежками малышей,
И в убежище их носила,
Прикрывая спиной своей.

Все одна, все одна, без мужа.
Он на фронте, и нет вестей...
С каждым днем ей трудней и хуже,
С каждым днем он нужнее ей.

Как могла, добывала пищу
И делилась последним куском
С малышами, с соседом нищим,
Овдовевшим в войну стариком.

Часто мерзла она, голодала,
Но с надеждою шла вперед.
На ручонки детей дышала
И пихала им что-то в рот.

И дождалась конца ненастья.
Уберечь удалось детей,
Но прислали военные власти
В черной рамке «послание» ей.

И народ вышел, рот разиня,
Чтоб героев войны встречать.
НЕЗАМЕЧЕННОЙ ГЕРОИНЕЙ
Тихо вышла и эта мать.

Там кого-то толпа качала
И кому-то кричала «ура»,
А она в стороне стояла
И у ног её детвора...

Вой сирены меня встревожил
И унес мои мысли вдаль,
И в душе этот образ ожил,
Я подумала: ей бы тоже
За геройство выдать медаль!

СТЮАРДЕССА

Самолет приземлился благополучно,
По дорожке без шума бегут колеса.
Стюардесса весь путь с людьми неразлучна:
Заботится, помогает, приносит, относит...

Вдруг страшный удар. Тормоза отказали.
Запахло едко бензином и дымом.
Стюардесса с мягкими карими глазами
Промчалась быстро людей всех мимо.

Приоткрыла дверь: самолет над оврагом,
Футов восемь под ними земля и жизнь...
Спасайся, прыгай! Но быстрым шагом
Побежала обратно, не желая спастись.

Могла бы прыгнуть, и никто на свете
Не упрекнул бы за желание жить,
Но была в ней любовь сильнее смерти,
И любовь должна была победить!

В самолете люди: женщины, дети...
Паника, крик в дымовой завесе.
Десять раз через дверное отверстие
Спускала кого-то, но мало десять!

Бегала, спасала больших и маленьких,
Повторяла: «Не бойтесь, прыгайте в двери!
Ничего нет опасного, только без паники...»
И каждый смотрел на нее и верил.

Где-то внутри, в огне и дыме,
Ребенок кричал – и на помощь бросилась
Одиннадцатый раз... Думала, подымет
И в двери спустит легко и просто.

Одиннадцатый раз... И в остывших обломках
Нашли ее с ребенком вместе.
Руками к груди прижимала головку
Стюардесса с сознанием долга и чести.

Я о ней читала в горле со спазмой,
Погибла девушка, ушла без возврата.
Люди умирают, но только по-разному:
Одни просто так, а другие за брата!

Слова Христа, вечно непреложные,
Так подходят к девушке сей:
«Нет большей любви, чем если кто положит
Жизнь свою за своих друзей».

ПОМОЩНИЦА

Мужчины, даже сильные и смелые,
В борьбе устав, слабеют и скорбят.
Но дома жены, верные, умелые,
Утешат их, как маленьких ребят.

Ведь для того, чтоб высказать все трудное,
Что так скрывалось от других от всех,
Им нужно не собрание многолюдное,
А самый близкий сердцу человек.

Когда в душе тоскливо по-кладбищенски,
Женою начинают дорожить.
Им хочется по-детски, по-мальчишески
Ей голову в колени положить.

Ведь для того, чтобы о нем заботиться,
Дана ему хозяйка и жена,
От плоти плоть, подруга и помощница,
Кость от кости его сотворена.

Как много может сделать слово кроткое,
Молитва и беседа по душам,
Которая и самая короткая
Взаимным пониманьем хороша.

Не исполняя это назначение,
О женщины, не грех ли мы творим,
Когда мужьям несем не утешение,
А камнем преткновенья служим им?

ЛЮДИ – БРАТЬЯ

Людей так много в мире Божиим
И много языков на свете,
Но объясниться все ж возможно им,
Понять друг друга людям этим.

На первый взгляд, как будто разные,
На самом деле так похожи:
Пусть лепет у одних несвязный,
А у других темнее кожа,

Но смех и плач их одинаковы,
И гнев их также одинаков,
И на любимых смотрят ласково
У русских так, как у поляков.

С одною нежностью знакомою,
С одною теплою заботой
Отцы земли семью законную
Питают рук своих работой.

Когда с челом, покрытым перлами
Простого трудового пота,
С весенними лучами первыми
Крестьянин выйдет на работу,

То будь он греком иль болгаринном,
Он с тем же вековым влечением
Распаханной земли испарину
Вдыхает с явным наслаждением.

А в урожайный год удавшийся
Дикарь, который жнет и сеет,
Как европейцы, все познавшие,
Прославит Бога, как умеет.

И, приглядысь к его движениям,
Об урожае и охоте
Без лишнего воображения
И языка вы все поймете.

Когда в простом рукопожатии
Рука с рукой соединились,
Или в приветливом объятии
Вкруг шеи руки те обвились,

Вы видите, как одинаково
Взаимной дружбы выражение.
Без переводчика, без всякого,
Понятное души движение.

Дитя, рожденное в Италии,
Кричит-кричит, вздохнув впервые,
И руки матери усталые
Ласкают ямочки родные,

Ласкают так, как руки русские,
И крик тот так похож на русский...
А может, руки те французские,
А крик какой-нибудь тунгусский?

Все воины во всех сражениях,
Во всех кровавых «славных битвах»
В одном и том же положении
Находятся, когда убиты...

Их матери прочтут послания
О том событии печальном
И содрогнутся от рыдания,
От скорби той универсальной.

В часовне маленькой, в Германии,
Где солнца свет в окошках узких,

Старушка в скромном одеянии
Склонилась совсем по-русски!

И молится в благоговении,
Привычной не меняя позы.
То человечество в молении –
Скрещенье рук, колени, слезы...

Не важно, где, в каком селении
Или в каких палатах знатных,
Невежду бедного иль гения
Хоронят. Все и так понятно.

Понятно, что одно наследие
За грех все люди получили –
Печаль смертельная, последняя
Их всех в одно соединила.

Вот почему одно спасение
Бог миру в Сыне приготовил,
В одну семью, в одно общение
Призвал страданием Христовым.

А на кресте Спаситель страждущий
Для всех одни открыл объятья.
Для всех людей, спасенья жаждущих, –
ОДНО СПАСЕНЬЕ ЛЮДЯМ-БРАТЬЯМ!

Весь день дышалось тяжело,
Душил за горло «смог».
Казалось, солнце не взошло –
И город занемог.

Ложилась копоть на стекло
В машинах и домах,
А сколько копоти легло
На легочных ходах!

И каждый тер глаза и нос
И стекла прочищал...
Закат же ветер нам принес –
Шальной прохладный шквал.

Под ним гудели провода,
Как под смычком струна,
Вздымалась в озере вода,
Гнала волну волна.

К утру смирился и утих,
Но по дороге вдаль
Он из последних сил своих
Сухие листья гнал.

Он нам очистил горизонт,
Расширил кругозор
И голубой небесный зонт
Над нами распростер.

Морщинка каждая в горах,
В саду мельчайший лист,
И где-то далеко в кустах
Наименьшей птички свист –

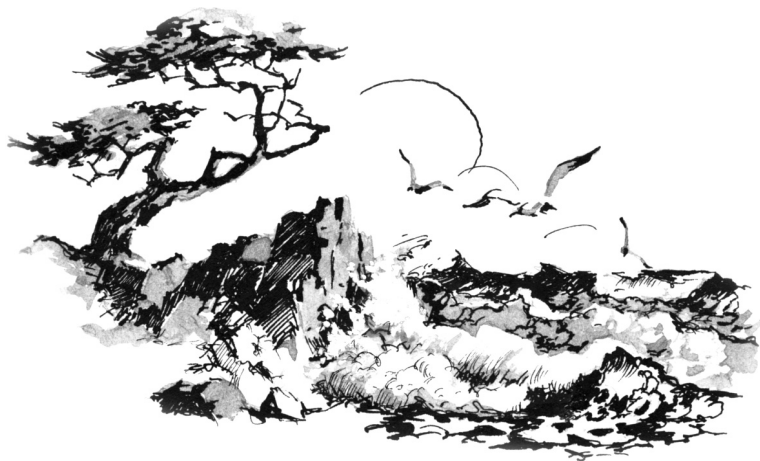
Все прояснилось, ожило,
И дышится легко.
И прокоптившееся зло
Умчалось далеко.

О чем весь этот разговор,
Куда клоню здесь я?
Не так ли с нами с давних пор
Случается, друзья?

Вселится вдруг какой-то грех
(Хоть в личность, хоть в среду),
И мучит всех, и душит всех,
Как в смоге, как в чаду.

Но тихим ветром Дух Святой
Повеет иногда,
И выдует угар густой,
И не в беду беда.

И тишина, и чистота
Снаружи и внутри.
Хвала в сердцах и на устах
С зари и до зари.

КИПАРИСЫ

Когда весною в парке в Сан-Франциско
Цветут тюльпаны, лилии, нарциссы,

И воздух пахнет мятой и левкоем,
А люди в полдень в поисках покоя

Сидят кто на траве, кто на скамейке,
Кто в одиночку, кто со всей семейкой,

Меня влекут не люди и нарциссы,
А там, над краем моря, кипарисы.

Кривые, низкорослые уроды,
Беспомощные жертвы непогоды,

Их ветер искалечил и измызгал,
Прибой водой соленою забрызгал.

Поникли у них головы и плечи,
От бури им укрыться было нечем.

От непогоды искривились спины,
По ветру протянулись ветви длинно.

В песок вцепились и к земле прижались...
На них смотреть – одна сплошная жалость!

Такие вот встречаются нам люди:
Судьба их была в плечи, в спины, в груди...

Они сопротивляться перестали,
Они по ветру ветви распластали.

Девиз их: «Раз нет силы – покорися
И стань подобным этим кипарисам».

Но я еще других людей встречала.
Они, как те, страдали здесь немало.

И жизнь их тоже часто была в зубы.
Они ж стояли ровным, крепким дубом.

И тень свою со щедростью бросали,
И птицам на ветвях приют давали,

Тянулись к солнцу, пили жизни соки
Корнями из источников глубоких.

Чем эти люди лучше тех убогих?
Тем, что нашли источник силы в Боге!

СЛЕПОМУ ПИСАТЕЛЮ

Ослепший в старости писатель описал
Всю мрака глубину, весь ужас слепоты,
Пустынный островок, к которому пристал
Его разбитый челн у скал пустых.

Мирок без цвета роз, без зелени листвы,
Без ласки добрых глаз, без солнечных лучей,
Без книг и без картин, без неба синевы,
Без молний и без восковых свечей...

Унылый мир – сплошная темнота,
Где звуков, запахов и слез соединенье.
Исчезли зрелища, исчезла красота,
Остались одни прикосновенья.

И в бедствии своем надежду потеряв,
Он стал мечтать о сне, глубоком, вечном,
Бедняк совсем забыл, что мы живем не зря
И что не в зренье счастье человечье.

Не спору, тяжело быть окруженным тьмой,
Но есть у слепоты над зреньем превосходство!
Не все прекрасно в мире, и слепой,
Не видя красоты, не видит и уродства.

И хочется напомнить старику
О том, что есть у нас еще и духа очи.
Не мог не знать о них он на своем веку
И все же говорить о них не хочет.

Кому открыл Господь однажды духа взор,
Тот счастлив навсегда, и пусть глаза погаснут,
Он видит красоту нездешних гор,
Нездешних вод, нездешних лиц – прекрасных.

И если зрячим ты отправишься в гроб свой,
Но духом был слепым, любя земное,
Поверь мне, что ты жальче, чем слепой,
И дух твой не найдет нигде покоя.

Пока ж ты жив еще, хотя и слеп,
Проси, чтоб исцелились сердца очи,
Чтоб в старости прозрев, твой дух окреп,
Чтоб неба свет прогнал унынье ночи.

ГODOVOMY СЪЕЗДУ В ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ

Мы собрались у горя за спиной.
Еще свободу Бог у нас не отнял,
А где-то город есть, разделенный стеной,
И где-то от снарядов бьются окна.

Ведь где-то далеко идет война –
И каждый день ребята гибнут наши.
Америка – свободная страна,
Где пьется жизнь еще из полной чаши.

Как долго, знает Бог, мы будем здесь в тиши,
Хотя внутри страны идут свои сраженья.
Господь сказал пророку: «Запиши,
Что не навек Мое долготерпенье».

В стране Линкольна ныне умер Бог!
И долларом его здесь заменяют,
Но стал оскудевать наш изобилья рог,
И всемогущий доллар мощь теряет.

Нам хорошо. Еще мы говорим,
И стороной проходят все напасти.
В День жатвы Бога возблагодарим
За это хрупкое земное счастье.

И не забудем, что мы мира соль,
А как заметно потеряли силу.
И потому во мне такая боль,
Тоска меня почти поработила.

За милости Творца благодаря,
Хочу просить Его о пробужденье
Нас, верных сонаследников Царя,
И попросить о новом поколеньи,

Которое без цели впереди,
Ни в чем не хочет принимать участия.
Господь, чрез нас к Себе их приведи,
Открой им во Христе источник счастья.

Уходит год – и собран урожай,
Мы ближе подошли к небесной жатве.
Господь, благослови еще сей край,
Продли еще нам день благоприятный.

ТРИ ВИДА ВЕРУЮЩИХ

Один, как мощная река,
Что глубока и широка
И плавно, медленно течет,
Прибрежный радуя народ
Широким илистым руслом.
Спокойно поперек паром
Плывет, не ведая забот.
Весенним половодьем лед
Скользит вдоль тихих берегов,
И сочность заливных лугов
Она крестьянину дарит,
И небо точно отразит,
Без искажений, и вперед
В далекий океан течет.

Другой потоком горных вод
С громадной силою течет.
Он берег рвет и камни бьет,
Бурлит, шумит, поет, ревет...
То водопадом вниз падет,
То снова, выровнявшись, встав,
Помчался в океан стремглав.
Силен, могуч и чист поток,
Местами даже он глубок,
Но мост не строят поперек,
И подвесной над ним высок.
Неровно, каменисто дно,
И потому искажено
В нем отражение небес,
И пляшет в нем прибрежный лес.
Чтоб эту силу обуздать,
Нужна плотина-благодать.
Когда плотиной усмирен,
Свет и тепло дарует он.

А третий – мелкий ручеек,
Который вдоль и поперек
Всяк переступит без труда.
Вот тут еще чиста вода,
А там, глядишь, уже застой
И пахнет тухлою водой,
Лягушек хор порой ночной
Звучит нестройно, вразнобой...
Он дальше, вырвавшись, бежит,
Но бобр-работник сторожит
Его уже со всей семьей –
И снова ждет его застой.
Бедняга жалок и смешон.
И лишь тогда ручей силен,
Когда к реке он добежит
И с ней себя соединит.
Перед тобой три вида рек:
Узнай себя в них, человек.

ИТОГИ

Каждый вечер, подводя итоги
Дня, что канул в вечность навсегда,
Вижу каплю дел, свершенных в Боге,
Массу дел, достойных лишь суда.

Я ведь каждый вечер умираю,
Новый день лежит в руках Творца.
Стыдно мне, что медленно шагаю,
Словно ноги тяжелей свинца.

По годам мне быть должно бы взрослой
И творить великие дела,
Я ж уродом жалким, низкорослым
Даже треть дороги не прошла.

Боже, знаю, что здоровой пищи
Полны Вечной книги закрома.
Научи душой, голодной, нищей,
Твое Слово в пищу принимать,

Чтоб живые вечной жизни соки
Помогли не только возрасть,
Но как в осень деревом высоким
От плода склоняться и стонать.

И когда изнасятся ботинки
На ногах от странствий и труда,
Я приду к концу земной тропинки
Без смущенья, страха и стыда.

ПУСТЫЕ ИЗВИНЕНИЯ

Нам не всегда приятны приглашенья.
Когда их неудобно отклонить,
Мы всякие находим извиненья,
Чтобы причину истинную скрыть.

Раз человек позвал людей на ужин,
Но все они, как будто сговорясь,
Не говоря, что ужин им не нужен,
Учтиво поднесли ему отказ.

Один купил себе большое поле –
Его осмотр никак не может ждать.
Другой пять пар волов решил на воле
Во что бы то ни стало испытать,

А третий, тот женился и считает,
Что тот, кто его к ужину зовет,
Обязан понимать и понимает,
Что делу первой важности почет.

Все попросили вежливо прощенья,
Но с грустью отошел тот человек.
Прозрачны слишком были извиненья,
Бессмысленны, как прошлогодний снег.

Неужто тот купил без уговора,
Не глядя, поле? Да ведь можно так
Купить кусок болота или гору,
Иль каменистый в три версты большак!

А тот, другой, купил волов десяток,
Не испытав их? И теперь как раз
В час ужина пойдет пахать участок
Насмех соседям, в предвечерний час?

А третий? Неужели же с женою
Не может он на ужин к нам прийти?
Какое извинение пустое!
Женился, так с женою приходи!

Мы знаем этой притчи продолжение:
Хозяин за столы других позвал...
Но разве не о наших извиненьях
Господь нам эту притчу рассказал?

Не так ли мы увиливаем тоже,
Когда Христос из года в год зовет?
Прости же нам лукавство наше, Боже,
Простив, прими, несмысленный народ!

ЗАВТРА

Нам кажется, завтра мы будем прилежней
И лучше, полезней, добрей.
Сегодня мы грубы, но завтра мы нежны,
Ведь завтра мы будем мудрей.

Мы завтра поедem в далекие страны
Туземцам о Боге вещать.
И завтра начнем перевязывать раны,
В больницах больных посещать...

Мы завтра проведем старого друга,
И завтра напишем родным,
И завтра кому-то окажем услугу,
Не только своим, но чужим.

Мы завтра пожертвуем крупную сумму
(С деньгами опасно спешить),
Ведь деньги – не шутка, здесь надо подумать,
Нужда ж никуда не сбежит.

Мы завтра друг друга простим без упреков,
И завтра друг друга пойдем.
И завтра весь опыт духовных уроков
Применим и в жизнь проведем.

Мы завтра покаемся в жизни бесплодной,
В последнем, предсмертном бреду.
Оденем раздетых, накормим голодных,
Разделим чужую беду.

Мы завтра пойдем, что такое спасенье,
И завтра пойдем за Христом,
И завтра преклоним пред Богом колени,
Не ныне, а завтра, потом...

Так в планах на завтра, что скрыто в тумане,
За годом уносится год...
А что если завтра возьмет и обманет?
Что если совсем не придет?

Силуэты деревьев на фоне вечернего неба,
И в уютных домах тут и там загорелись огни...
А я думаю: сколько людей не имеют насущного хлеба,
Сколько жизнь доживают, как перст, в этом мире одни.

Скольким нужно не то, чтобы полного счастья,
Но чтоб только, когда уж совсем нету сил,
Кто-то искренне, в знак доброты и участия
Просто руку к согбенным плечам приложил.

Человека душа, его внутренний мир – откровенье.
Людам нужно в их неповторимой судьбе,
Чтобы кто-то, кто полн неподдельной любви и терпенья,
Просто выслушал их, позабыв хоть пока о себе.

Чтобы кто-то делил в простоте их беду и удачу,
Но не ради награды, которая ждет в небесах,
А с открытой душой, поступать не умея иначе,
Раз Христос у них в сердце, в словах и делах.

Мне так часто встречаются люди, которым бы нужно
Лишь немного вниманья, немного участия, добра,
Поощренья немного, немного хоть признаков дружбы –
И они расцветут, как цветы пред приходом утра.

День склонился к концу, все короче и жизни дорога...
Помоги мне, Господь, излучать теплоту на ходу.
Я в пути и спешу, а нужды в этом мире так много!
И пройденным путем я уже никогда не пройду.

СЕРДЦА БИЕНИЕ

Когда остановится сердца биение,
И небо последнее примет дыхание,
Умолкнет язык, и замрет песнопение,
И мозг навсегда потеряет сознание,

И дух бестелесный вернется к Создателю,
С собой унеся, что ему было вверено,
А тело родные, друзья и приятели
Земле предадут, попечалясь умеренно.

Там кто-то найдется (я в этом уверена),
Кто скажет, что знал нас, как фразу избитую.
Но я б утверждениям таким не поверила;
Есть тайны души, никому не открытые.

Мы сами, себя не познав, уж прощаемся
С землею и телом своим эти временным.
Как ближних нам знать, тех,
 с кем только встречаемся,
Как те корабли, что в тумане потеряны?

Сигнал... И ответ на сигнал... И мгновенные
Во мраке едва уловимые призраки...
Но если и были друзья откровенные,
Им были знакомы лишь внешние признаки.

А слез и молитв наших тайных и чаяний
Никто не заметил здесь, кроме Всевышнего.
Никто не заметил ни воплей отчаянных,
Ни трепета сердца немого, неслышного,

Ни дел наших тайных, ни злых и ни праведных,
Ни жертв наших тайных, лишь Богу доверенных;
Но внешние признаки, рамки и правила
Служили мерилom надежным, проверенным.

И создали образ, как сон, как видение,
Который останется людям, как «знание»,
Когда остановится сердца биение
И небо последнее примет дыхание...

КРЫЛЬЯ

У дикого гуся могучие крылья,
В далеком полете широк их размах.
Немного старанья, немного усилья –
И гусь высоко-высоко в облаках.

У ласточки крылья, у голубя тоже,
А я человек – не умею летать,
Но крылья молитвы Ты дал мне, мой Боже,
Они меня могут над миром поднять.

Я много богаче, счастливее птицы,
На крыльях молитвы лечу высоко.
Те светлые крылья не знают границы,
Несут мою душу неслышно, легко.

Когда человек начинает молиться,
У птиц перелетных растерянный вид,
Ведь птицам приходится посторониться,
Дорогу молитвам людей уступить.

Бесшумные крылья, могучие крылья
Мой дух поднимают над грешной землей.
Немного старанья, немного усилья,
В полете молитвы для сердца покой.

СЛЕЗЫ

Древние греки сказали,
Что слезы нужны глазам:
После большой печали
Видно яснее нам.

Мудрые греки люди –
Этого скрыть нельзя.
Пусть же меня не осудят
За слезы в моих глазах;

За то, что мне их не стыдно,
Если текут ручьем,
Если душе обидно,
Радость тогда ни при чем.

Лучше поплакать тихо,
До десяти сосчитать,
Чем, разругавшись лихо,
Совесть свою запятнать.

Слезы – души отрада.
Прятать не нужно слез.
Плачут Господни чада,
Плакал Иисус Христос.

Плачем о том, что слабость
В души святых вошла,
Плачем о том, что сладость
Первой любви ушла...

Бог надоумил греков
Правду сказать о слезах.
Чище душа человека,
Когда слезы в его глазах.

ДЕРЕВЬЯ-ГИГАНТЫ

Есть деревья, которым по пять тысяч лет,
Но стволы их сильны, а не ломки.
Наши предки глядели на них, и глядеть
На них будут и наши потомки.

Они были, когда на земле был Христос,
Современники дивных событий.
На них глядя, нельзя удержаться от слез.
Есть ли что-нибудь их знаменитей?

Поколенья народов пришли и ушли,
А они чрез века устояли.
И все скорби и радости грешной земли,
Как друзья, как родня, разделяли.

У их ног вся история наша прошла:
Инквизиции, войны, погромы...
Славу сильных земли в вечность смерть унесла,
Славу их достижений огромных.

Корни их у глубоких источников вод,
Кроны их в небеса устремились.
Здесь наглядный пример нам Творец подает,
Чтобы жить мы у них поучились.

Глядя здесь на гигантские эти стволы
И величье Творца созерцая,
Как ничтожны мы, люди, слабы и малы,
Я яснее еще понимаю.

И, как в храме, стою среди этих немых,
Но кричащих свидетелей Божьих.
И трепещет мой дух от свидетельства их,
И мороз пробегает по коже.

Кого-то любили, кому-то писали,
О ком-то молились, о чем-то мечтали,
Какие-то письма в шкатулках хранили,
Какой-то цветок меж страниц засушили...
А теперь вы в могиле,
Теперь вы в могиле...

Я также люблю, и пишу, и молюся,
Мечтаю о чем-то и плачу, смеюся,
И письма храню, над стихами тружуся,
И тело мое в цвете жизни и в силе,
Но будет когда-то в могиле,
В могиле...

Зачем же мы любим, смеемся и плачем
И письма в шкатулках какие-то прячем,
О чем-то тоскуем, о чем-то мечтаем
И в памяти строчки стихов сохраняем?
Неужто напрасно?
Неужто для тленья?

О, нет, не напрасно: пройдут поколения –
И правнук правнучке вдруг скажет: «Послушай,
Взглянем на цветок, что в той книжке засушен,
На письма взглянем, что в шкатулке, стихи,
Вся жизнь здесь пред нами – победы, грехи,
Просмотрим, прочтем, углубимся в тиши...
Она уж в могиле,
О ней позабыли...
Остался лишь след от бессмертной души».

Душой мы любили, молились, писали,
Душою мечтали, стихи сочиняли,
Душою движимы, мы письма хранили,
Душою движимы, цветок засушили...

Бессмертно все то, что душой мы творили.
Лишь тело в могиле,
Лишь тело в могиле...

РАВНОДУШИЕ

Можно жизнь прожить и просто так,
Налегке, шутя, как говорится,
Пролететь чрез жизнь, как тот сквозняк,
Ни за что ничем не зацепиться.

Мимо всех пройти, как ни при чем,
И не приласкав, и не обидев,
Не задев ни мыслью, ни плечом,
Словно не заметив, не увидев.

Может быть, так жить и хорошо,
Меньше, мол, и горечи, и боли.
Только что же станется с душой,
С мыслями, и чувствами, и волей?

Человек для ближних сотворен,
Хоть и сам в себе оригинален,
И без ближних жить не может он:
Это Бог решил еще в начале.

И такую тягу заложил
В сердце человека, что невольно,
Где б ни жил он, как бы он ни жил,
Одному ему тоскливо, больно.

Даже и подножки, и пинки
Нам нужны и пользу причиняют,
И о том, что люди к нам близки,
Неизменно нам напоминают.

На душе неизгладимый след
Нам оставлен каждой новой встречей:
Друг прошел здесь, родственник, сосед,
Причастив к семье нас человечьей.

Есть еще и совершенный путь
Беззаветной ближнему отдачи,
Только им не многие идут,
Да и не для всех он предназначен.

Там идут два поприща, когда
Только об одном их попросили;
Грош последний могут там отдать,
Посетить не только на могиле.

Там паденье ближнего – беда,
Чистого сочувствия основа,
Для святого спорого труда
Там друг друга поощрять готовы.

Нам же еще нужно дорасти
До того святого состоянья,
Нам хотя бы только не пройти
Мимо наших ближних без вниманья.

Только б через жизнь не пролететь
Налегке, шутя, как говорится,
Никого собою не задеть,
Ни за что ничем не зацепиться.

НЕ ПОТЕРЯЛ, А ОТДАЛ

С войны возвращались бойцы
В холодных товарных вагонах.
На станции ждали отцы,
Их матери, дети и жены.

Не все возвращались домой.
О многих лишь память осталась.
И часто там слышалось: «Мой
Не вернулся домой, не дождалась...»

Было много объятий и слез
При этом счастливом свиданье.
Но порою ответ на вопрос
Вызывал глухие рыдания.

Там чья-то стояла мать,
В упавшем на плечи платочке,
И в лицах приезжих узнать
Пыталась родного сыночка.

Ей кто-то на стул указал.
На нем, в одеяла замотан,
Сидел, не смотря ей в глаза,
Очень бледный знакомый кто-то...

– Неужели меня не узнал?
Я мама твоя, посмотри же!
– Я слеп, – он тихонько сказал,
Подойди ко мне, мама, ближе...

– Встань, сынок, обними же мать!
О, как долго тебя ждала я!
– Я без ног, не смогу стоять...
И без рук разве обнимают?

– О мой сын, как ты пострадал!
Ты, видать, не на счастье создан...
Руки, ноги, глаза потерял...
– Я их не потерял, я отдал!

Здесь в понятиях разница есть.
Потерять можно все напрасно,
Но в отдаче есть доблесть и честь,
И жертва отдачи прекрасна.

Так жизнь свою отдал Христос
Добровольно пожертвовал людям.
Стоит перед всеми вопрос:
Что с собою мы делать будем?

Отдадим свою жизнь Христу,
Во служенье пожертвуем брату
И отдачи явим красоту,
А не жалкой потери утрату.

Не напрасно прожитую жизнь,
Не напрасно умершее тело,
Но сердца, устремленные ввысь,
Совершившие Божие дело.

ВОЛЧИЦА

Голодная, злая волчица
Прокралась в деревню в ночи.
По снегу живот волочится,
И в пасти зуб о зуб стучит...

В пещере холодной волчата
Без матери смирно сидят;
На них только месяц рогатый
Да звезды из неба глядят.

Волчица к загону овечек
Прокралась с желаньем одним:
Там пищу себе обеспечить
И детям голодным своим.

Но стая не спящих овчарок
Догнала ее у реки
И отняла детский подарок,
Ее ж разодрала в клочки.

В пещере далекой волчата
Сомкнуть не решаются глаз...
Да чем же она виновата?
Волчицей она родилась.

У волка и волчьи повадки,
И хищность – его естество.
Как сделаешь горькое сладким,
Как сделаешь годным его?

Не волки ль и мы от рожденья?
Но добр наш Небесный Отец,
Чудесным Своим возрожденьем
Он нас превращает в овец.

БАМБУК

(Притча)

Он был ничтожной, маленькой былинкой
В высоких зарослях бамбуковой родни.
И если кто-то проходил тропинкой,
Он видел небо в солнечные дни.

Он видел над собой Божественное око,
И взор всевидящий все время ощущал.
Он полюбил тот взор душою одинокой
И, радуясь, чего-то ожидал...

Однажды тихим днем Господь ему явился.
«Бамбук, – спросил Он, – любишь ты Меня?»
«Люблю», – сказал бамбук и низко наклонился.
«Доверься Мне, Я поведу тебя».

Господь лопатой выкопал с корнями
И бережно его пересадил.
Затосковал бамбук. Часы казались днями,
И день ему, как месяц, проходил.

Но укрепились корни в новой почве,
И начал он расти красивым и большим.
«Как ты красив», – шептали звезды ночью,
Днем ветер с солнцем любовались им.

И он блаженствовал в своем великолепье,
О, как он Господа за все благодарил!
Господь пришел однажды в вечер летний
И, взяв топор, под корешок срубил.

Ему казалось, ничего больнее
Он в своей жизни не переносил.
«Теперь бы умереть, да только поскорее,
А жить нет ни желания, ни сил!»

Но вдруг он услышал знакомый, нежный
голос:
«Бамбук, скажи, ты любишь ли Меня?»
Бамбук сказал: «Люблю», – склонясь,
как спелый колос.
«Доверься Мне, Я поведу тебя».

И раскаленным добела железом
Он внутренность стал выжигать до дна.
И до тех пор Он жег ее и резал,
Пока пустою стала вся она.

Бамбук стонал и холодел от боли,
Но он доверился и должен был терпеть.
Он предался совсем Господней воле
И за нее готов был умереть.

И взял Господь бамбуковые трубы
И проложил из них водопровод.
Бамбук был рад, что не родился дубом,
По дубу ведь вода не потечет!

Открыл Господь бездонную криницу –
И потекла животворящая вода
Через бамбук в ближайшую больницу,
В пустынные деревни, города.

Но вдруг иссякла, и бамбук смутился,
И начал слезно к Богу вопиять.
И тут опять Господь ему явился.
Бамбук Его стал громко вопрошать:

«Господь, Ты знаешь, как Тебя любил я,
Ты знаешь, как теперь Тебя люблю,
И как старательно живую воду лил я,
Но вот теперь, хотя хочу, не лью».

И отвечал Господь: «Давай проверим.
Моя вода течет, как и текла,
Но ты... Хотя себя Мне сам доверил,
В тебе самоуверенность была».

И так сказав, Господь напор усилил.
И из трубы, хотя не без труда,
Большая жаба выползла, и с силой
Забилась снова чистая вода.

Бамбук душой склонился низко-низко,
Склонился, как былинка на лугу,
И прошептал: «Хочу, чтоб Бог был близко,
Я ничего без Бога не могу...»

НОВОЕ СЕРДЦЕ

Мы недавно читали в газетах, что в Африке Южной
Сердце очень больное врачи заменили здоровым.
Стало старое сердце негодным, опасным, ненужным –
Человек стал нуждаться тогда в сердце новом.

Операция эта нова в медицинской науке.
На весь мир закричали об этом событьи газеты.
Мир не знает о том, что святые Спасителя руки
Производят УДАЧНО давно операцию эту.

Бог однажды сказал: «Я завет заключу с вами новый,
Из груди выну сердце, которое твердо, как камень,
И на место его Я вам сердце вложу плотное...
Совершу операцию эту Своими руками».

Я поверила в то, непонятное мне, обещанье
И пришла к Нему с сердцем безбожным, разбитым,
усталым.
И пока я стояла пред Ним вся в слезах покаянья,
Он свершил пересадку, дав новой мне жизни начало.

Перемену такую врачи не свершили б земные.
В их руках только тело, телесное все им возможно.
Но сердца нелюбовные, злые, духовно-больные
Заменить, исцелить может только вмешательство Божье.

«Дай Мне сердце твое, – говорит милосердный
Спаситель, –
Сокрушенное, грешное, старое сердце, больное.
Я твой любящий Врач и сердец утомленных Целитель,
Я небесным хочу заменить твое сердце земное».

ОСЕННИЕ МЫСЛИ

Голая осина под окном.
Прошлогодних листиков десяток
Задержались в память о былом –
Прелести и юности остаток.

Но и их, наверное, на днях
Ветер оборвет бесцеремонно.
Так вот мы на жизненных путях
Растеряем все непринужденно.

Просто годы будут отнимать
Постепенно молодость и силу.
Но в душе спасенья благодать
Годы, старость не сведут в могилу.

НА МОРЕ

Черные тучи, голые горы,
Ветер насквозь пронизывает.
Чайки на скалах смотрят на море.
Волны песок зализывают...

Только пройдешь – и следы глубокие
Чисто волной заглажены.
Близятся новые волны далекие
К берегу стройно и важно.

Тучи и горы, ветер и море,
Чайки и волны в движении...
Камешек острый и непокорный –
Я в моем тщетном брожении.

Были приливы, были отливы,
Бури и тишь благодатная.
Ветер и волны, одни лишь смогли вы
Сгладить и грани, и пятна.

Медленно-медленно долгие годы
Камешек жизни шлифуется.
Не до него белым чайкам свободным,
Бог им незримо любит.

ВОСПОМИНАНИЕ РОЖДЕСТВА

В моей душе растет и к горлу рвется
Рождественская песнь хвалы Тому,
Кем нам спасенье дивное дается, –
Спасителю и Богу моему.

И мысленно я вижу ночь святую,
Уснувший Вифлеем и пастухов,
Солому в яслях жесткую, простую,
Кормушку для овец и для волов;

И Мать Пречистую, и тихое смущенье
В лице Иосифа, и тайный его страх
Пред явным чудом Боговоплощенья,
Свершившимся здесь на его глазах;

И первый крик Небесного Ребенка,
Раздавшийся в столетиях седых,
Для Матери такой родной и звонкий,
Как первый крик детей наших земных;

И пенье ангелов, и пастухов тревогу,
Когда они, не понимая слов,
В благоговенье поклонились Богу
В хлеву, как в храме, шапки сняв с голов;

И яркое небесное сиянье
Звезды, склонившейся над хлевом в знак того,
Что здесь земли и неба сочетанье:
Бог отдал миру Сына Своего;

Пророчество святого Симеона,
Когда Младенца он благословил
И Матери, счастливой, облегченной,
Уже о крестных муках говорил;

И старицы свидетельство простое,
Дождавшейся Того, Кого ждала
В посте, в молитве, на коленях стоя,
Годами в храме, где почти жила...

О, каждый год, когда я вспоминаю
Рождение Спасителя Христа,
Я мысленно все это повторяю –
И песнь рождается на моих устах.

Ведь в этой, самой чудной из историй,
Которой вот уже две тыщи лет,
Утеха для всего людского горя,
Для нашей тьмы земной – небесный свет!

В ту ночь Спаситель был подарен людям!
Ту тайну как плотским умом понять?
Но Истина живет, и спящих будит,
И верою дает себя принять.

И верой только оценить мы можем
То, что для нас свершилось в эту ночь.
И верою принять подарок Божий
Сам Бог готов всем грешникам помочь.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Есть годы, которые хочется
Навеки из памяти вычеркнуть,
Но есть и такие, которые
Приятно потом вспоминать.

Не будем вдаваться в подробности,
Каким прошлый год был для каждого,
Но будем Творцу благодарными
За то, что нам жизнь сохранил;

За то, что дает еще время Он
Тому, кому нужно покаяться,
Тому, кому нужно исправиться,
Тому, кому нужно спастись;

Что день благодати не кончился,
Хоть люди в своем отступлении
От истины, мира и святости
Гнев Божий влекут на себя.

И мы, хоть и чадами Божьими
Зовемся, но образ Спасителя
За «я» нашим где-то скрывается,
Не светит заблудшим во тьме.

Давайте же в ночь новогоднюю,
Неся благодарность за милости,
Попросим от сердца Спасителя,
Чтоб год нам прошедший простил;

Чтоб сердце нам новое, мудрое,
Простое и любвеобильное
Вложил на то место, которое
Заполнено чем-то другим.

1967-68

НОВАЯ СТРАНИЦА

Год ушел, как будто бы и не был,
Словно он приснился нам во сне.
Может быть, безоблачное небо
Новый год подарит вам и мне.

Может быть, разгонит ветер тучи,
Станет и светлее, и теплей.
Может быть, мы станем чище, лучше
И друг другу ближе и родней.

Может быть, что воды Иордана
Кто-нибудь из нас переплывет,
Может, для кого-нибудь нежданно
Будет и последним новый год?

О, как мало в сущности мы знаем!
Знаем, что не знаем ничего.
Новый год с волнением встречаем,
Снова ждем чего-то от него.

Снова у разбитого корыта,
Как и год назад, смутясь, стоим
И о том, что жизнь почти прожита,
Снова с сожаленьем говорим.

Нечем, как и в прошлом, похвалиться –
Мы, как прежде, слабы и бедны
И на жизни новую страницу
Вновь глядим, надеждами полны.

Не обманет новая страница,
Что писали, то будем читать.
Хочется нигде не ошибиться,
Зря страниц Господних не марать.

Знаем, что Отца благоволение
Любящим Его принадлежит,
Будем же любить Его явление,
Чтобы мог Он нас благословить;

Чтобы каждый новый год встречая,
Нам о прошлых днях не сожалеть,
Жить, трудиться, счастье излучая,
Радостно на будущность смотреть.

ФЕВРАЛЬ

Холодный, неприветливый февраль,
Весна еще с зимою вперемешку,
И растопыренные пальцы пальм
Взлохмаченные ветром тучи чешут.

Я этой сыростью побеждена
И чувствую, как отсырели кости...
И вижу я у моего окна –
Две птички, две весенних гости...

Они опять хлопочут над гнездом,
Какой-то пух опять в него таскают
И починяют прошлогодний дом,
То место, где детей ласкают.

Так, значит, и весна недалеко.
И на ветвях набухли туго почки...
Мне дышится приятно и легко,
Хотя жакет до ниточки промочен.

Вот так я рада каждый год весне,
Как рад больной бывает исцелению.
Она поет о новой жизни мне,
Она мне говорит о воскресенье.

БЕРЕЗКА

Я под окном моей спальни
Посадила сегодня березу.
Вид такой у нее печальный,
Сережки похожи на слезы.

Если б только она понимала
Головою своей безлистой,
Почему я ее обнимала
За ствол ее белый, чистый.

Как подругу, сестру родную,
Обнимала под небом синим,
Ведь она под окно вплотную
Принесла мне кусочек России!

Подниму занавеску выше,
Посмотрю и скажу сквозь слезы,
Так, что только она услышит:
«Вся Россия в тебе, береза...»

Вся Россия с ее народом,
С ее сердцем широким, русским,
С голубым ее небосводом,
Ручейком говорливым, узким...

Я ж ведь больше ее не увижу...
Потому под окно моей спальни
Посадила к себе поближе
Березку с видом печальным.

НОЯБРЬ

Летом у нас весна,
А до осени поздней лето.
Ну, а осень? Зимой она,
А зимы той и вовсе нету.

Но хоть очень еще тепло,
Нет дождя и не будет снега,
Много листьев в саду легло,
На ветвях нет новых побегов.

Вот и мне уже сорок лет.
Говорят, я на вид моложе,
Как та осень, которой нет,
Но которая явна все же.

Явна мне, может, мне одной,
По известным лишь мне приметам,
Хотя лето казалось весной,
А осень похожа на лето.

И без снега и льда зима,
В очень замаскированном виде,
Как ночная, холодная тьма,
Непременно все же приидет.

Я узнаю ее одна,
Хотя будет тепло, как летом,
Хотя летом была весна,
А зимы будто вовсе нету.

1966 г.

ВЕСНОЙ

(Лидии Старый)

Люблю весной дорогой межгородной
В автомобиле ехать не спеша
И запахом рассады огородной,
А не бензином городским, дышать.

Чернеет бархат вспаханного поля,
И весь в побегах новых виноград,
Деревьев ряд от ветра своеволья
Предохраняет апельсинный сад.

На гору, ввысь, извилистой дорогой
Автомобиль взбирается над рвом.
Внизу, в лощине, ручеек убогий
В бессилии о камни бьется лбом.

Спустились на пустырь земли богатой –
О, девственность! О, эта целина!
И, кажется, копни ее лопатой –
От боли громко закричит она.

Мягка земля и солнцем вся прогрета,
Свежа новорожденная трава.
И у меня от воздуха и света
Приятно закружилась голова.

Так заразительна здесь молодость природы,
Что кажется, мы молоды опять,
Что улетели легким паром годы
И нам не сорок лет, а двадцать пять.

1966 г.

ОСЕНЬЮ

Осенью, когда мокрые падают листья,
Дни короче и дождь обложной моросит,
Почему-то мне хочется каяться, плакать, молиться
И за что-то у Бога смиренно прощенья просить.

Под окном моей спальни березка совсем пожелтела
И, склонив свои ветви, стоит вся в слезах дождевых.
Я осенними чувствами поделиться с березкой хотела,
Но она не поймет ни желаний, ни мыслей моих.

Хоть не кончился год еще, сердце подводит итоги
(Каждый миг может жизнь оборваться, как высохший
лист),
Как природа осенняя, хочет оно успокоиться в Боге
И к весне – воскресению приготовиться в мыслях своих.

Сердце хочет проверить, насколько за год оно выросло,
Сколько было плодов, сколько крупных упало семян.
Сколько боли оно с Божьей помощью в засуху вынесло,
Сколько в нем остается еще не залеченных ран.

Мне хотелось бы всем передать мои мысли осенние,
Мою твердую веру, мое покаянье души,
И надежду на светлое утро весны – воскресение,
И желание жизнью полезной для ближних прожить.

Пусть осенние листья напомним нам всем умирание
И покорность смиренную Божьим законам святым.
Принесем же достойный, евангельский плод покаяния,
В день осенний предстанем пред Богом с молением
простым.

ОБЩЕНИЕ

Я слышала о том, что где-то в заточенье,
Вдали от родины, от близких и родных,
Где так болит душа без братского общенья
И чахнет, сохнет в горестях земных,
Войдя в барак, измученный, усталый
Прилег на нары ссыльный за Христа,
Вдруг вслух сказал строку из песни старой
И сразу в страхе сжал свои уста.
Но кто-то в дальнем уголке барака
Закончил песнь последнею строкой,
И оба вышли и, под ночи мраком
Обнявшись, плакали от радости тайком.
Возможно, был один из них ученым,
Другой был мужиком, недавно от сохи,
Но здесь забыто все, два брата заключенных
В общении святом не помнят дней лихих...
Мы все из разных мест, происхождение разное,
Один богаче и умнее, чем другой,
И все же мы одно, слились своеобразно
В одно собрание детей семьи родной.
Один у нас Отец, один у нас Спаситель,
Одни стремления, одни у нас мечты,
Учение одно преподавал нам Учитель,
И песнь в душе одна – нездешней красоты.
Куда бы жизни океан мятежный
Ни бросил нас волнами вод своих,
Внутри, в душе, какой-то голос нежный
Нас будет побуждать везде искать своих –
Своих по духу, тех, кто Агнца кровью
Искуплены от мира, как и мы,
Чье сердце бьется неземной любовью
И к свету тянется из царства зла и тьмы.
При встречах с полуслова понимаем,
Что мы одно, что перед нами брат,
И, как родного, крепко обнимаем

Того, кто был чужим лишь пять минут назад.
Мы часто говорим, что наша жизнь, как пар,
Как утренний туман, что с солнцем исчезает,
Что дорог нам спасенья вечный дар,
Христа пришествия всяк жадно ожидает.
Во время мирное в стране, где нет гоненья,
Мне кажется, остыла в нас любовь:
Мы мало дорожим минутами общенья,
И Слово Божие нам мало греет кровь.
Неужто нужны нам расстрелы, ссылки, тюрьмы,
Неужто будем ждать, чтоб больно бил нас Бог?
Перенесли немало в жизни бурь мы,
Исколесили множество дорог.
Давайте потесней вокруг Христа сплотимся,
Научимся любить, и верить, и прощать.
Давайте духом нашим обновимся
И будем, бодрствуя, Христа явленья ждать!
Давайте вспомним всех, кто в заточенье
За дело Божие, за стенами тюрьмы,
Чтоб лучше оценить свободное общенье, –
Ведь мы одна семья, ведь братья, сестры мы.

БОЖЕ, ПРОСТИ

Кто-то рискует жизнью где-то за правду Божью,
Борется с суеверьем, предубеждением, ложью.
Кто-то со Словом Божиим едет, не зная испуга,
Прямо в котел людоедов. Мы же съедаем друг друга!

Кто-то по уши занят тихим трудом для бедных,
Щедры делаясь запасом вечных богатств заповедных.
Кто-то с артритом в пальцах что-то сшивает туго.
Мы же, от нечего делать, стали терзать друг друга.

Кто-то со станций мощных людям о Боге вещает,
Мыслями, сердцем, молитвой вести приготавливает.
Кто-то за труд огромный часто унижен, обруган,
Мы же (от скуки что ли?) жизнь отравляем друг другу.

В сердце моем молитва: «Боже, прости безрассудных.
Боже, заполни жизнь нам массой занятий трудных,
Чтобы в труде полезном не было места досугу,
Чтобы нам некогда было боль причинять друг другу».

ДВЕ СМЕРТИ

Мать молодая лежит утомленная,
Рядом ребенок лежит.
Первый ребенок... Она, облегченная,
С тихой улыбкою спит.

Чувство любви материнской нахлынуло,
В сердце теплом разлилось,
Грудь всю наполнило, все отодвинуло,
Все удалилось, смелось...

Вдруг пробудилась. Глядит, удивленная:
Рядом ребеночка нет.

И разгадала во взгляде смущенном
Доктора страшный ответ...

Щечку холодную, нежно любимую
Поцеловать поднесли.
Ангелы смерти подкрались незримо
В вечность дитя унесли.

Слышит: «От Бога все это. Он Праведный,
Жизни и смерти сильней.
Путь указать тебе хочет Он правильный,
Близок Он в скорби твоей».

«Где Он, бесчувственный? Где Он, безжалостный?
Где ваш неведомый Бог?» –
Камнем холодным в груди сердце сжалось:
«О, как Он мог, как Он мог?»

Если Он есть, пусть открыто мне явится,
Я говорить буду с Ним.
С горем душевным не в силах я справиться,
С горем тяжелым моим!

Я буду спорить, доказывать, спрашивать
О накипевшем в груди,
И ничего ни скрывать, ни прикрашивать
Я не начну перед Ним».

И Он явился. Речей приготовленных
Не было даже следа.
Видя лишь грех свой, очей переполненных
Не подняла от стыда.

Гордость исчезла, исчезло тщеславие,
Стала понятной любовь.
Сердце, покаясь, хвалило и славilo
Бога за крест и за кровь.

Время прошло. Та же мать горемычная
Вновь у могилы стоит.
Люди вокруг, и священник обычное
Для похорон говорит.

Снег только стаял, и тучи тяжелые
Низко плывут над землей.
Стонут деревья безлистые, голые,
Ветер холодный и злой...

Все как обычно: бросают прощальные
Пригоршни мерзлой земли;
Слышны слова утешенья печальные...
Люди пришли и ушли...

Тихо стоит над могилой открытою
Мать и на гробик глядит.
Очи без слез, хотя сердце разбитое
Плачет, рыдает, скорбит...

Чуть шевелятся уста пересохшие:
«Воля да будет Твоя...
В скорби Ты близок, люблю Тебя, Отче,
Все теперь поняла я.

Если б не скорбь, я б Тебя не увидела,
Если б не скорбь, не пришла...
Все Твоя мудрость святая предвидела,
Скорбью от смерти спасла».

Повесть из жизни правдивую эту
Я записала, друзья,
И под конец вам скажу по секрету:
Мать та прозревшая – я.

ЛОНЖАРОН

Был городок курортный Лонжарон.
Над ним меж гор высокая плотина.
И ею славился на всю Европу он,
А также живописною долиной.

Людей всего две тысячи пятьсот
В том городке беспечно проживало.
И не было у них больших забот,
И жизнь, казалось, всем им улыбалась.

Там отражалась синева небес
В глубоком озере, что было за плотиной,
А горы покрывал зеленый лес
И любовался с высоты долиной.

И вот однажды мирный городок
Заснул спокойным, тихим сном, обычным,
И вдруг разбужен страшным шумом он,
И всплеском волн, и воем ветра зычным.

И прежде чем опомниться могли,
Вода весь город страшной силой смыла,
С домами и людьми с лица земли,
Как будто их и вовсе там не было.

Наутро лишь узнали, что гора
Свалившись в озеро, толкнула на плотину
Всю массу вод, и воды через край
Волной гигантской ринулись в долину.

Осталось от двух тысяч пятисот
Всего душ двести, раненых, бездомных...
Посмотришь, жалость за душу берет,
Но тут урок для всех людей огромный.

О, не надейтесь, что в последний час
Вы получить успеете спасенье,
Ведь может случиться, смерть настигнет вас,
Как Лонжарон ночное наводнение.

На полутоне оборвать напев
Для смерти и доступно, и возможно.
Вдруг упадете, охнуть не успев,
На улице, шагнув неосторожно.

Опасно жить, надеясь на то,
Что все уладить сможете когда-то.
Вы разве знаете хоть что-нибудь о том,
Как близка ваша жизнь к закату?

Сегодня ж вы и живы, и сильны,
И ясен ум ваш, ровно сердце бьется,
Ему призывы Божии слышны –
Так пусть оно сегодня отзовется.

ЕСЛИ...

Если никто тебе крепко руки не жал,
Если никто тебя с плачем не провожал,
Если никто тебе не говорил «люблю»,
Не доверял тебе скорбь хоть одну свою,
Значит, ты не имел части в семье людей,
Значит, ты не сумел сжиться и слиться с ней.

Если никто тебя кровно не обижал,
Если, тебя сбив с ног, кто-то не убежал,
Если не плакал ты явно, не пряча слез,
Когда твои мечты кто-то в щепу разнес,
Значит, ты не имел части в семье людей,
Значит, ты не сумел сжиться и слиться с ней.

Если ж ты был любим, сам от души любил,
Плакал, смеялся, жил, досыта ел и пил,
Видел сиянье звезд, слышал жужжанье пчел,
Но ни одной строки в Библии не прочел,
Значит, ты не искал сущности бытия,
Значит, пустой была жизнь и борьба твоя.

Если душе твоей чужд, неизвестен Бог,
Если Его найти ты на земле не смог,
Если молитвы звук мало знаком устам
И не склонялся ты в прахе у ног Христа,
Значит, ты не нашел самую суть вещей,
Значит, искать ее нужно скорей, скорей!

СМИРЕНИЕ И ГОРДОСТЬ

Один человек по орбите летая,
Не видел там Бога, не видел там рая.

Все то, что он видел, молчало о Боге,
Он быстро летел по небесной дорожке.

Ни яркое звезд отдаленных сиянье,
Ни красок в пространстве небес сочетанье

О Боге ему ничего не сказали...
Он Бога не видел плотскими глазами.

Окончив полет, он на Землю спустился,
И долго полетом своим он гордился:

«Смотрите, какой я герой и какие
Ученые наши гиганты земные!

Построили сами, без помощи Бога,
Корабль воздушный, подумав немного.

Да будет прославлен за это вовек
Великий хозяин Земли – человек!»

Другой, помоляся в смирении Богу,
Отправился также ракетой в дорогу,

И, зная, какая великая сила,
Его в высоте по орбите носила,

Он видел премудрость великого Бога
Во всем, что ему повстречалось дорогой:

В законах чудесных, что космос держали,
И в звездах, что ярче, яснее сияли...

С душой благодарной на Землю спустился
И всем, что увидел, с другими делился.

«Был Бог вездесущий незримо со мною,
Он здесь. Он и там, высоко над Землею».

Да, тот лишь, в чье сердце Бог Духом вселится,
Не будет своими делами гордиться.

В смирение восхвалит он Бога, любя,
А гордый во всем видит только себя.

ХОЛМЫ И ПУСТЫРИ

Мы все теснимся в городах –
Из окон в окна вид.
Все совершаем впопыхах,
Душа ж в тоске болит.

Шум на дорогах и в домах,
А я сыскала тишь
Вон там, на тех больших холмах,
В шести кварталах лишь.

К закату дня иду пешком,
Каблук вздымает пыль...
Пустырь покрыт сухим овсом,
Похожим на ковыль.

Кустарник дикий да трава,
В ложине камыши...
И вмиг светлеет голова:
Молись, пиши, дыши!

Едва заметною тропой
Иду на высоту
И оставляю за собой
И шум, и суету.

Отсюда видно далеко,
На много миль вокруг:
Мерцанье первых огоньков,
Дороги полукруг...

А солнце всем принадлежит,
Но у других оно
Уходит за домов гранит
Иль просто за окно.

А у меня в резервуар,
Громадный водяной,
Что за холмами,
Солнца шар уходит на покой.

Внизу житейский гул и шум,
Сплетение дорог,
А здесь спокоен дух и ум,
И сердцу ближе Бог.

Здесь я пишу, молюсь, пою,
А иногда реву.
И здесь по капле скорбь свою
Роняю на траву.

И прихожу домой не та,
Свежее и бодрей.
Как благотворна красота
Холмов и пустырей!

И если там, где ты живешь,
Нет места тишине,
То, если день-другой найдешь,
Ты приезжай ко мне.

Тебе с вершины покажу
Большой резервуар,
В него с тобою провожу
Багровый солнца шар.

И здесь с тобою поделюсь
Моею тишиной.
И здесь с тобою помолюсь
Душой с твоей одной.

УХОДИТ ВРЕМЯ

Вчера ушло. Осталась только память,
Но и ее прикрыла пыль забот.
Ведь человек все время чем-то занят,
И жизнь его течет рекой вперед.

Мне о вчера нет времени подумать
(И это, может, даже хорошо),
Ведь стоит только пыль заботы сдунуть
И, Боже мой, что станется с душой!

Ведь не забыты пройденные тропы
И лица милых, искренних друзей,
Их не зальют всемирные потопа,
И не засыплет пылью суховей.

Иду, иду... И тот кусок, что сзади,
Уже длинней того, что впереди,
И иногда не знаю, как мне сладить
С той болью, что на дне души сидит.

Мне говорят, что боли не должно быть,
Что больше, мол, для радости причин,
Что в мире больше доброты, чем злобы,
И смерть – не окончанье, а почин.

Я это знаю и не тем болею,
А тем, что жизнь уходит из-под ног,
Я ж ничего исполнить не успею,
Что поручил мне милосердный Бог.

И потому, когда вчера уходит,
А завтра, может, вовсе не придет,
Делам своим душа итог подводит,
И боль тогда со дна ее встает.

Я понимаю, что спасенье даром,
И я хочу с Иисусом жить вовек,
Но не как головня из-под пожара,
А как венца достойный человек.

ГДЕ НАС НЕТ

На вечернем небе гаснет
Розовый закат...
«Хорошо везде, где нас нет» –
Люди говорят.

Хоть простая поговорка,
Много правды в ней.
У других и на задворках
Травка зеленей.

Все, что где-то, все, что чье-то,
Лучше и милей.
И петух чужой поет-то,
Словно соловей.

Тем, что близко, тем, что рядом,
Мы не дорожим,
А к тому, что за оградой,
Не идем – бежим!

Вот природа человечья!
Как ей угодишь?
Ропщет, жалуется вечно
В бурю, как и в тишь.

Быть счастливым и сегодня
Тем, что рядом есть, –
Это заповедь Господня,
Это долг и честь.

Принимать без оговорки
Дань и дня, и тьмы.
Жить по новой поговорке:
«Хорошо, где мы».

ЗА ПОВОРОТОМ

За поворотом прячется дорога,
Но не пугают душу перемены.
Она давно доверилась Богу,
Чье имя: Вездесущий, Неизменный.

Куда б ни вел Он, всюду будут люди,
И, значит, будут радости и слезы,
И труд какой-то непременно будет,
(Я делаю по опыту прогнозы).

Я сделала немало поворотов
И новых мест немало увидала,
И всюду находилась работа,
И всюду сердце к людям привыкало.

И боль разлуки врачевало время,
И новые волнующие встречи,
И новое какое-нибудь бремя,
Которое ложилось мне на плечи.

Но мой Господь, мой вечный Провожатый,
Шел впереди в неведомые дали.
И повороты, что вели куда-то,
Поэтому мне душу не пугали.

ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

Как перед смертью, перед новым годом
Я проверяю все, как пред походом.
Как много восхождений и привалов,
Как много полустанков и вокзалов,

И теплых встреч, и горьких расставаний,
Несбывшихся и сбывшихся желаний...
И сколько никому не видных битв
С самим собой и трепетных молитв!

А сколько слез и сердца сокрушений
И тайных в тишине ночной прошений!
Все то, что составляло нашу жизнь,
Все, что тянуло нас то ввысь, то вниз.

Так много мыслей новых, планов свежих,
А год пройдет – и мы как будто те же.
И все же мы немного изменились,
Чему-то незаметно научились.

ЧАЙКА

На горячем, омытом волной песке
Чайка мертвая. Кровь на клюве.
Я ее подымаю, держу в руке,
Ну а слез по ней не пролью ведь.

И никто не прольет, никому не жаль,
И не так велика утрата.
В мертвом взоре ее отразилась даль,
Что была ей родной когда-то.

Сколько так умирает существ земных,
О которых никто не плачет.
Мир скорбит об уходе людей таких,
Чья жизнь хоть что-нибудь значит.

Когда б хоть на время зиял провал,
Который заполнить нечем,
О котором бы кто-то, взглянув, сказал:
«Здесь жизнь была человечья».

Так надо жить, чтоб заметным был
Уход наш в бытие иное,
Чтобы кто-то лицо руками закрыл
И память почтил слезою.

Господь нам дни такие посылает,
Когда нас все, как будто, оставляют.
И горя нашего не разделяют,
И радости не понимают,
Добра не помнят, зла не забывают.
И, кажется, мы, как в легенде некой,
Днем с фонарем не сыщем человека.

В такие дни мы на коленях чаще
С молитвою из сердца исходящей.
Мы глубже нашу немощь ощущаем
И лучше и яснее понимаем,
Что человек, счастливый иль печальный,
Стоит пред Богом индивидуально.
И за дела его никто на свете
Не будет перед Господом в ответе.
И потому так хорошо порою
Побыть наедине с самим собою,
И хоть на миг один себе представить,
Что все и всех придется нам оставить.
В последний путь мы не пойдем с друзьями,
В конце пути пред Богом станем сами.

ЖИВ БОГ

Какой безумец молвить мог,
Что Тот, Кто мир весь сотворил,
Кто безначальным, вечным был,
Вдруг перестал существовать?
Кто смел такую вещь сказать,
Что умер Бог?

Он, может, умер для того,
Кто сам от Бога отошел,
Кто что-то новое нашел,
А вечно Сущее попрал,
Кто сам для Бога умирал,
Он умер для того!

Но для меня жив вечно Бог!
Я вижу, чувствую Его,
Я знаю Бога моего.
Во тьме, в тоске, кругом ни зги..
Я слышу мощные шаги
Его могучих ног!

Он ходит по земле со мной,
Его я руку узнаю,
Когда дрожащую мою
В Свою Он, твердую, берет,
Когда ласкает, когда бьет..
Он жив, Он мой!

Не умер вечносущий Бог!
Огонь в груди моей горит
И мне о Боге говорит,
И всеми фибрами души
Я с Ним как в буре, так в тиши
У Его ног.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Березка	114
Благодарю	10
Бог	33
Боже мой	18
Боже, прости	120
Божий дом	11
Будущая бабушка	62
«Быть верующим в наши дни...»	16
Весной	116
«Весь день дышалось тяжело...»	78
«В колени матери...»	63
В новогоднюю ночь	111
«Возьми крест твой и следуй за мной»	30
Война	45
Волчица	102
Воспоминание Рождества	109
Всех выше	48
Где нас нет	132
Годовому съезду в день благодарения	84
Господи, гряди!	39
«Господь нам дни такие посылает...»	136
Две смерти	120
«День умер, истекая кровью...»	69
Деревья-гиганты	96
Души детей	65
Если... ..	125
Если нет воскресенья... ..	53
«Есть великое счастье...»	21
Жив Бог	137
Завтра	90
За поворотом	133
Итоги	88
Кипарисы	80
«Кого-то любили, кому-то писали...»	97
Крылья	94

Лонжарон	123
Лунная рапсодия	14
Люди – братья	75
Маме	58
«Мать во взгляде ребенка...»	64
Мой костер	67
Молитва	24
Молодежи	46
На море	108
Незамеченная героиня	71
Не потерял, а отдал	100
Новая страница	112
Новое сердце	106
Ноябрь	115
Нужно знать	9
Общение	118
Он и мы	52
Он мой	56
Он молился о нас	26
Он один	58
Осенние мысли	107
Осенью	117
Останься с нами	28
Ответ на письмо из России	42
Перед новым годом	134
«Пожалей меня, Боже...»	19
По осколкам дней	68
Помощница	74
Прощение	70
Пустые извинения	89
Равнодушные	98
Разница	22
Святое имя произноси свято	36
Сердца биение	92
«Силуэты деревьев...»	92
Слезы	95
Слепому писателю	82

Смирение и гордость	126
Спасен	40
Спроси мать	60
Стюардесса	72
Тайна искупления	54
Те годы... ..	66
Тем, кто молод	44
Терпи, душа	32
Три вида верующих	86
Тысяча миль	42
У Его ног	5
Утренние размышления	20
Уходит время	130
Февраль	113
Хлеб	8
Холмы и пустыни	128
Царь грядет	38
Чайка	135
Человек	12
Эдельвайс	50
Это Ты	34
«Я была пустырем...»	6

